

ПЫЛЬ
НА СОЛОМЕННЫХ
ПОГОНАХ

Андрей Ткачев

Протоиерей Андрей Ткачев

**ПЫЛЬ
НА СОЛОМЕННЫХ
ПОГОНАХ**

Киев 2013

УДК 821.161.1(477) - 4

ББК 84(4 УКР=РОС) 6-4

Т 48

*Рекомендовано к печати
рецензионной комиссией
Украинской Православной Церкви
ВВ 01-13-10-14*

Протоиерей Андрей Ткачев

Т 48 Пыль на соломенных погонах — К.: Послушник, 2013. — 208 с.

ISBN 978-966-2503-28-9

Сборник эссе известного писателя и проповедника протоиерея Андрея Ткачева посвящен сложным и нередко тяжелым вопросам взаимоотношений Церкви и общества, верующих людей и атеистов. Месту Церкви в современном обществе, забывшем свои христианские корни. Могут ли христиане не замечать огромные массы людей, потерявших смысл жизни? Может ли общество отказаться от помощи Церкви?

Часть текстов, вошедших в сборник «Пыль на соломенных погонах» ранее была опубликована на сайтах otrok.ua, pravoslavie.ru, pravmir.ru

УДК 821.161.1(477) - 4

ББК 84(4 УКР=РОС) 6-4

© «Послушник», 2013

ISBN 978-966-2503-28-9 © Ткачев А., протоиерей, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пыль на соломенных погонах.....	5
Каменный призрак.....	13
Откуда приходит грусть?.....	23
В мире животных.....	29
Герой безмолвствует?.....	34
Содом.....	40
Разговор о богатстве.....	49
Старость, смерть, иллюзии.....	63
Сложные вопросы.....	71
Печати.....	79
Пощёчина Иоанну Кронштадтскому.....	84
Константинополь.....	89
Лоскутное одеяло.....	115
Что нужно для отдыха.....	125

Сокровища старой Европы.....	130
Новости Древнего Рима.....	136
Сиваш.....	143
Дым без огня.....	150
Привычка к вере.....	156
Душевный труд.....	162
Православный джихад.....	169
Прощание с карикатурами.....	178
Интервью.....	186

ПЫЛЬ НА СОЛОМЕННЫХ ПОГОНАХ

Мировая война потому и названа мировой, что прямо или косвенно охватывает все континенты, стремится охватить оба полушария без остатка. Наш евразийский ум неплохо ориентируется в событиях, произошедших на европейском театре военных действий. То, что происходило в Африке, нам интересно в меньшей степени, а то, что случалось, скажем, в Океании или Меланезии, совсем не врезается в память, поскольку прямо нас не касается.

Между тем, в этих регионах Тихого океана происходили события чрезвычайно важные — если и не с точки зрения победы над Рейхом и его союзниками, то с точки зрения культурной и цивилизационной.

Меланезия. Не шибко увлекаясь географией, я бы вряд ли заинтересовался этим

районом Тихого океана, хотя время от времени приходилось слышать об островных государствах, составляющих его — Фиджи, Новой Гвинее, Соломоновых островах... Эти родинки на теле океана, населённые преимущественно чернокожим населением, стали во времена Второй Мировой базами американских ВМС. Там размещалась техника и живая сила, туда было доставлено по морю и сброшено с воздуха огромное количество грузов. Тогда-то местные жители впервые увидели бутилированную воду, консервы, военную форму и прочие культурные атрибуты белого мира, о которых дотоле не подозревали. Новейший Робинзон, конечно, делился с новейшим Пятницей солдатским пайком, и вскоре туземцы открыли для себя не только вид новых предметов, но и их вкус.

Потом война закончилась. Улетели с островов «большие птицы», унося во чреве белых людей. Уплыли корабли, гружённые техникой, дав последний гудок и оставив в воздухе запах дыма. Туземцы остались. Они помнили вкус шоколада и галет, кое-кто из них был одет в подаренный китель, кто-то пристрастился к курению «Lucky Strike», но не это главное. Главное — то, что они как один были уверены: белые люди — посланники богов или почивших предков. Подарки белых — это подарки духов. Белые владеют благами не по справедливости. По справедливости блага должны

принадлежать островитянам. Появление белых с подарками можно повторить. Это появление следует вызвать при помощи культовых действий.

Вот нехитрый перечень идей, давших начало весьма оригинальному культу под названием «карго». Слово это переводится как «груз». Что же стали делать «несчастные люди-дикари»? Они стали вызывать транспортные суда и самолёты, копируя действия обслуживающего персонала причалов и взлётных полос. Кто из нас не видел, как некий человек машет флажками самолёту, выруливающему на взлётную полосу? Вот эти-то действия и сочли за действия ритуальные, за некие обряды и таинства, жители Меланезии.

Дальше всё было смешно и грустно одновременно. Аборигены стали делать из дерева, соломы и камыша максимально точные копии винтовок, раций, сигнальных флажков. С бутафорными винтовками на плечах они ходили строем, имитируя смены караулов. В деревянные рации они отдавали команды. Из камыша строили подобие диспетчерских пунктов, где с умным видом глядели в самодельные карты и строили планы доставки грузов от духов на землю. Кое-где этот бред закончился быстро. Там, по всей видимости, люди были не то что б умней, но прагматичней. Однако есть острова, где до сих пор с фанатичным упорством совершаются «разводы» и «вечерние поверки»,

где на построенных площадках ожидают вертолётчиков чернокожие люди с деревянными рациями в руках.

Вывод из этого явления очень прост. Перед нами люди, не имеющие малейшего понятия о подлинной сути происходящего и пытающиеся копировать чужую успешную деятельность одним лишь механическим повторением внешних приёмов...

Смешно, нечего сказать. Однако — «над кем смеётесь? Над собою смеётесь». Повторять внешние приёмы, не проникая в суть дела, — это врождённый недуг всего человечества.

Когда талантливейший Лев Толстой начал «двигаться умом» в гордых поисках истины, он стал одеваться в лапти и в рогожи и шёл с мужиками на богомолье. Бил поклоны, как они, дул на пальцы, прежде чем перекреститься. Правда, при случае не отказывал себе в удовольствии сказать интеллигентному собеседнику: «Я — барин». Ну чем не культ карго? Одедся в мужика, чтобы мужицкую веру найти и тем сердце успокоить. Но с переменной одежды внутреннее содержание не меняется. Машет флажками папуас, а духи ящики с «пепси» не присылают.

Так мальчик Волька в известной советской экранизации «Хоттабыча» просит старика сделать телефон. Джинн телефон делает, только его поделка — лишь болванка, внешне похожая на таксофон, но соответствующего внутреннего устройства не име-

ющая и к сети не подключённая, и оттого — бесполезная. Вот тебе и культ карго. От него даже волшебник не застрахован, если волшебник в технике «ни бум-бум».

Вся наша игра в демократию — это культ карго. Мы верим в магию демократических процедур, не давая себе труда заглянуть за кулисы демократического театра. Мы верим в то, что избирательные процедуры сами собой обеспечивают изменение — не власти, нет, — жизни! — к лучшему. Хотя уже один лишь голый слух нам мог бы указать на тождество праха, «иже в урне погребальной», — и бюллетеня, «иже в урне избирательной».

Я не знаю, плакать мне или смеяться, когда звучат словосочетания типа «спикер парламента Киргизии». И дело не в киргизах. Мы сами недалеко от них ушли. Все эти «заплаты из небеленой ткани», пришитые к нашим не столько ветхим, сколько особого покроя ризам, способны со временем лишь сделать дыру ещё хуже. Баловство с игрой по чужим правилам — лучший способ для негодяя делать всё, что он хочет, заручившись формальной поддержкой народных масс.

С точки зрения духовной, отдавать приказы в соломенный «мегафон» и совершать формальные демократические процедуры — одно и то же. Дикарь остаётся дикарём, со всем своим мировоззрением, со своими «мухами» в голове, хоть назови его

вице-канцлером, хоть возведи его в приват-доценты. Вся наша сегодняшняя действительность, вернее, всё убожество её, заключается в обезьянничании, в копировании внешних форм без приобщения к творчеству, эти формы породившему.

Иной демократ готов словесно громить оппонентов и бороться за идеалы демократии, но спать на соломе и жевать сухой хлеб, как оный патриций, — не готов. И сына родного за измену жене убить не готов — не только собственной рукой, но и чужой. Пить одну воду и укрываться тощим плащом поборник идеалов Рима не захочет, хоть ты застрели его. Зато приобщиться к славе Рима — очень даже не прочь, для того и рвёт глотку в словесной борьбе за демократические процедуры.

Всё это — карго. Жалкое, смешное, уродливое карго. Ничего больше. Все демократы и либералы наши очень органично бы смотрелись в старых кителях с соломенными погонами. Который год они машут бамбуковыми флажками невидимому самолёту, который вот-вот должен прилететь, неся на борту счастье. Но он так и не летит, а время уходит, рождая сомнение во всеисилии парламентских пассивов руками.

Кто-то, не приведи Бог, вообразит ещё, что западная жизнь — это рай, а мы — дикари, вызывающие «дух благополучия» копированием западных механизмов. Нет, дорогие, нет. Люди Запада так же податливы

на общечеловеческую глупость, как и люди остального мира. Они вертят мебель по учению фэн-шуй, они медитируют в обеденных перерывах, они совершают паломничества к индуистским и буддистским монастырям Востока. Они разочаровались в собственной цивилизации и ищут счастья в тех таинственных областях, где восходит солнце. Они тоже смешны, эти медитирующие клерки и бизнесмены, бормочущие мантру. Они тоже — служители культа карго, то есть люди, ищущие просветления и счастья путём механического повторения чужих обрядов, чужих форм культурной жизни.

А ведь есть ещё псевдонаука, где опыты якобы производятся, и деньги из бюджета выделяются, а результата не будет вовеки.

Есть ещё и игра в святость, где все посвящённые в игру — якобы святые, но на самом деле лишь балуются подражанием, а Духа не стяжали и, судя по всему, не стяжают.

Есть тысячи подмен с тупым и смешным подражанием ранее сложившимся формам. Только вот не для всех это смешно. Многие слишком серьёзно относятся к пустым и бесплодным оболочкам. Случись тебе над этим вслух посмеяться — глотку могут перегрызть.

А ведь это лишь культ карго, и только...

Учиться отличать ложь от истины обязан всякий христианин. Ложь рядится в одежды правды по принципу внешнего подражания. Тот, кто примет подделку за истину,

согрешит, поскольку пророк Исайя объявляет: «Горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом, тьму почитают светом, и свет — тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое — горьким!» (Ис. 5: 20). А вот как не перепутать бесхитростную правду с правдоподобной ложью — вопрос. Для всякого верующего человека есть реальная угроза: всю жизнь махать флажками на той полосе, куда никогда не прилетят самолёты. Есть опасность оказаться служителем культа карго при полной уверенности, что ты — христианин. Причём христианин православный.

Соломенные погоны истлели. Винтовку из хвороста объели мыши. «Взлётная полоса» заросла травой, потому что с неё никогда не поднимаются в воздух...

«Плюну-ка я на это бесполезное чудачество, — думает простой человек, — и займусь тем, что прокормит меня и семью мою».

КАМЕННЫЙ ПРИЗРАК

Хочу и не могу писать о деревне, о её запахах и звуках, о земле, из которой я взят и в которую должен вернуться. Есть в городах заброшенные дома, без окон, без крыши. На их балконах иногда растут невесть откуда взявшиеся малорослые деревья. Житель города — такое же дерево, растущее на балконе. Дерево, не приносящее плода. Зимой его кору не обгрызёт заяц, летом в его ветвях не угнездятся птицы. Петь и говорить он может только о том, что видит, — о машинах, о фабричных трубах, о ночной темноте, зловеще украшенной электрическим светом.

Молчание — это подвиг. Молчание нам не дано. Мы обречены говорить, пусть даже и ни о чём. Что ж, давай поговорим о тебе, многоликий каменный призрак.

Как театр начинается с вешалки, город начинается с вокзала — железнодорожного,

морского, воздушного. Город с порога даёт понять, что он весь в движении. Деревня привязана к полю, к реке, к могилам усопших. Деревня конкретна и нетороплива. Город в хлопотах. Его наводняют люди, снявшиеся с места, куда-то едущие, кого-то покинувшие. В их головах струятся миражи — память о прошлом, мечты о будущем. Сегодняшним днём город не живёт, особенно на вокзале.

Металлический голос объявляет об отправлениях и прибытиях. Этот голос холоден и безжалостен, как судьба. До твоих слёз ему нет дела. Если ты провожаешь кого-то, берегись, затыкай ватой уши. Как приглашение на казнь, голос объявит об отправлении поезда, и поезд, как Харон, заберёт того, кого ты провожаешь. Поезд железный. Ему никого не жалко. А вообще привыкай. Город не любит сентиментальности. Его наводняют толпы людей, которым ни до кого нет дела, толпы людей, не знающих о твоём существовании.

О том, кто ты, тебе напомнят люди, называющиеся бомжами. Вокзал — их дом, и они в нём то же, что крысы в корабельном трюме. Ты очень похож на них, потому что в некотором смысле тоже бездомен. «Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13: 14). В отношении нравственном, думаю, мы не меньше их воняем и вызываем смешанное чувство отвращения и жалости. Сбившиеся в колтун волосы, без-

умные глаза, одежда с чужого плеча. Обыватель сторонится бомжей, может быть, потому, что в духовном отношении он — точная копия их внешнего вида.

Городские расстояния — не для чахлах мышц. Горожанину нужен транспорт. Эта ежедневная близость с сотнями людей, эти прижимания друг к дружке в час пик, эти нудные ожидания на остановках ещё ждут своего осмысления.

Треть жизни человек спит. Оставшееся время тратит на зарабатывание хлеба и того, что «к хлебу». Заработанные денежные знаки меняет на продукты, готовит из них еду, моет затем посуду... Много ли времени остаётся? И, кроме того, горожанин ещё несколько часов в день, сидя или стоя, в метро или в маршрутке, бороздит пространство между домом и работой, работой и магазином. Не правда ли, духовное житие? Но никуда не денешься. Кровь должна бегать по жилам, вода должна совершать свой круговорот в природе, а горожанин должен бегать туда-сюда. Ситуацию можно изменить, только если научиться думать о чём-то полезном.

Пусть трамвай со скрипом ползёт по двум ручьям застывшего металла, пусть несётся битком набитая подземка, пусть ругается за сдачу с водителем вредный пассажир. Мы будем спасать то, что есть в нас вечного, читая про себя по памяти кусочки бессмертных текстов, повторяя короткие и великие

слова... Будем? Должны. Иначе будущее будет ужасным.

Много в городе есть такого, что говорит тебе на каждом шагу: ты — вошь. Или лучше: ты — муравей. Но есть в городе места, шепчущие тебе на ухо: ты — царь. «Чего изволите, Ваше Величество? Как Вам будет угодно, Ваше Величество». Это где ещё такое, спросите? Например, в ресторане. Рестораны придумали мещане, чтобы немножко побыть царём после того, как последним царям отделили голову на плахе. Вокруг вас услужливо ходят и бегают. Играет музыка, в кухонном чаду для вас шаманят повара и поварята. Вы никуда не спешите. Пропорционально содержимому карманов едите и пьёте. И только если, действительно ощутив себя царём, непослушным языком закричите: «Танцуют все!» — о том, что вы — не царь, напомним вам бритоголовый охранник, значительно превосходящий вас ростом.

Чуть-чуть похож на ресторан любой дорогой магазин. Там тоже легко почувствовать себя драгоценным в глазах окружающих, такой цацей, которой лучезарно улыбаются и перед которой раскладывают товары, как на восточном базаре.

Но ресторан и магазин — это не трамвай. Для них нужно больше денег. Собственно, от степени платёжеспособности и зависит то, как часто вы можете позволить себе залезть в царскую шкуру.

Когда-то один из римских императоров ввёл налог на городские уборные. Его сын заметил, что деньги эти будут дурно пахнуть, и услышал в ответ фразу, так и не растворившуюся в воздухе. Эта фраза классическая: деньги не пахнут. Может, они и не пахнут. Может, они только и делают, что хрустят, шуршат, звенят. Но в городской воздух они добавили какую-то едва уловимую нотку, ощутимую, однако, даже теми, кто не отличает запах «Шипра» от «Шанели». Воздух города пахнет деньгами. Прости, Веспасиан, но именно деньгами он пахнет в первую очередь. Уже потом выхлопными газами, дезодорантами, заводским дымом, свежими пирожками. Вначале он пахнет денежными знаками.

В деревне можно прожить, не имея денег. Трудолюбивому человеку земля не даст умереть, но и вряд ли сделает его богатым. Курица снесёт яйцо, коза или корова дадут молока, яблоня наклонит ветку со свежими плодами. В деревне деньги нужны на то, что не растёт из земли: на керосин, спички, уголь, лекарства. Город без денег прожить не даст. Даже похоронить без денег город не согласится. Поэтому горожане озабочены заработком и лучше крестьян знают арифметику.

Горожанин может не отличить по виду не только бальзамин от лютика, но даже ромашку от одуванчика. Но он знает много иностранных слов, таких как инфляция, ко-

тировки бирж, дефолт, демпинг. Наличие этих слов в сознании заставляет горожанина уважать самого себя. Видя в кино и читая в газетах о людях, сколотивших или укравших баснословные состояния, горожанин втайне мечтает войти в их число или хоть чуточку быть на них похожим. Это его *idée fixe*, синяя птица. Это его далёкое и сладкое Эльдorado.

Изрядно поумневший в эпоху капитализма, горожанин твёрдо знает: чтоб стать богатым, нужно деньги или найти, или украсть, или сделать из воздуха. В городе деньги из воздуха делают на каждом шагу. Город — это кузница денежных знаков из того сырья, которым мы дышим. Игровые автоматы или казино — лучший тому пример. «Брошу копеечку — возьму миллион», — думает горожанин, продувая за ночь всю зарплату в неравной схватке с одноруким бандитом. «Куплю жетончик, брошу шарик, назову карту, поставлю в тотализаторе большую сумму на фаворита спортивных состязаний. В общем, сделаю что-нибудь такое, от чего не прошибает потом, что-то быстренькое и хитренькое — и разбогатею махом». В этих мыслях весь современный горожанин. Оттого он и несчастен. И Сам Господь, наверно, с горькой улыбкой смотрит на глупцов, желающих перед лицом Бога сделать деньги из воздуха.

Есть ещё много людей, характерных именно для города, людей, которых почти

не встретишь в деревне. Например, учёные или генералы. Но они яркой когорты не составляют. Гораздо ярче и заметней такие горожане, как проститутки и чиновники. Первые вызывающе заметны. Вторые похожи на бойцов невидимого фронта. Это серые мышки, переворачивающие большие горы, знатоки законов и работники бумажного труда, от которых зависит судьба маленького человека. Чиновник тоже рождён и вскормлен женщиной, он умеет смеяться и плакать, но на работе он одет в неприступное величие. Я боюсь о нём говорить, потому что тоже от него завишу.

О женщинах же кое-что скажу. Современный мир не понимает монашества. Он уже не гонит монахов, но теперь просто смеётся над ними и презирает их. Зато мир хорошо понимает антимонашество. Проституция — это женское антимонашество. Монахиня преодолевает пол, она стремится его преобразить. Она в высшей степени носитель пола, поскольку борется с ним, приносит его в жертву большему. Это изнурительная борьба животного и Ангела внутри человека.

Падшая женщина, зарабатывающая телом, тоже в высшей степени половое существо. Только она не преодолевает пол, а эксплуатирует его. Она типичная горожанка, поскольку хочет денег и роскоши, а трудиться не хочет. А зачем ей трудиться, если ей могут платить именно за то, что она — женщина? Монашество и проституция —

два полюса женской природы. В середине — обычная мать, жена и хозяйка...

Разговор о женщинах тонок и опасен, как бритва. И ещё добавлю только, что монахинь мало, обычных женщин — матерей, жён и хозяек — с годами становится меньше. И, как вы догадались, если где-то чего-то убудет... Нет, не хочу сказать, что количество «бабочек» на окружных дорогах и в «массажных салонах» растёт в геометрической прогрессии. Их количество во все эпохи было более-менее устойчиво. Но их нравы, как инфекция, распространяются среди обычных женщин. И не только в городе. Селу здесь нечего сказать, в этом отношении оно иногда обгоняет мегаполисы.

Что-то лопнуло в женском сознании, что-то сдвинулось с оснований, и женской нелогичной душе бесполезно объяснять что-то словами. Она стала на лыжи и покадилась с горки. В одежде, в речи, в образе мыслей, в способе проведения досуга, в расширении сферы того, что женщина себе позволяет и за что ей не стыдно, в последние десятилетия произошли революционные перемены. Женская природа всё ещё остаётся собой, но заметно движется в сторону второго отрицательного полюса. Шторм разорвал канаты и унёс корабль в бушующее море. Что-то нас ждёт впереди. Какими будут люди, родившиеся в XXI веке?

Горожанин — это потребитель и покупатель. Он видит счастье в том, чтоб потре-

блять как можно больше услуг и покупать как можно больше товаров. При этом он сам — муха, попавшая в паутину к тем паукам, которые производят товары и оказывают услуги. По его мозгам с утра до ночи, как гусеницы трактора, с грохотом ползают рекламные ролики. Некоторые родились и умерли в городе, ни разу не увидев, как на рассвете купается солнце, как сереет небо и утро сметает с небосвода гаснущие звёзды. Горы, деревья, журчащие ручьи, миллионы запахов, тысячи звуков лежат за пределами городской черты не востребуемыми. А горожанин наблюдает, как белеет рубашка, выстиранная «Тайдом», как пестреют дома, выкрашенные «Тиккурилой».

Все наши беды — в нашем сознании. Человек драгоценен и силен благодаря разуму. У животных сильнее мышцы, острее взгляд, тоньше слух. Они цепляются за жизнь крепче. Но слабый заморыш, рождающийся голым и долгие годы остающийся беспомощным, — умён. Ум — первое и последнее наше достоинство. Если глаз засорить, глаз ничего не увидит. Если ум засорить, жизнь потеряет смысл. Город — это мастерская по переиначиванию человеческого ума. Здесь выдувают из сознания остатки здравого смысла и последние крохи священных чувств. Здесь в окна глаз залазят глянцевые воры. Здесь в уши шепчут, дуют, напевают, кричат идеи и мысли, от которых душу тошнит.

Но в каждой пустыне есть оазис. И к больным бегемотикам на африканском берегу спешит верхом на птице добрый Айболит. И для мучающегося среди ночи зубами есть кабинет острой боли. Город не мог бы жить, если бы в нём не было чего-то такого... Светлого? Да. Чистого? Да. Вкусного? Конечно. Доброго? Естественно. А где же оно?!

Ищите, господа, «...доколе не пришли тяжёлые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: нет мне удовольствия в них!, доколе не померкли солнце и свет и луна и звёзды, и не нашли новые тучи вслед за дождём» (Еккл. 12: 1-2).

ОТКУДА ПРИХОДИТ ГРУСТЬ?

Порой безо всякой видимой причины человеку бывает грустно. Дома все здоровы, и нет проблем на работе. Цветёт жасмин, щебечут птицы, и вечер обещает фантастический закат — но грустит венец природы. Словно забыл что-то и никак не может вспомнить...

Грусть — она где? В крови у того, кто грустит, — или, как микроб, в воздухе, и ею все дышат?

Когда человек двигается, грустить тяжело. Гораздо легче грустится лёжа на спине, глядя в небо. Или лёжа на животе и глядя на муравьёв в траве. Рубишь дрова — не грустится. Бросил рубить, сел, вытер пот со лба — опять грустишь.

Один человек мне сказал, что грусть родилась от чувства потери. Такой потери,

про которую ты забыл. То есть ты сам не знаешь, что потерял, однако же грустишь и не понимаешь, с какой стати.

Допустим, ты потерял ключи от дома. Разве ты будешь грустить и, тем более, петь протяжные песни? Нет. Сто раз нет. Ты будешь ругаться последними словами, искать виноватых (жену, к примеру), будешь смотреть под ноги, словно ты — грибник, а кругом — лес. Ты будешь зол и активен. А всё потому, что предмет потери известен.

А вот потеряли мы рай. Потеряли начисто и безнадежно. То есть так, что если искать самим, то не знаешь даже в какую сторону бежать. Но ищут, когда знают, что потеряли. А мы забыли об этой потере. Мозгами забыли, но душой помним. У нас душа временами на собаку похожа. Скулит что-то нечленораздельное, тоску нагоняет, а понять ничего нельзя. Вот откуда грусть в человеке.

Делаю вывод, что грустят все, хотя опыт этот вывод стремится опровергнуть. Я всё ищу вчерашний день и натыкаюсь на стройные колонны оптимистов, которым тепло на свете от полного забвения своей главной потери. Я думал, что у них есть тайна, что они так бодры оттого, что и дверцу нашли, и ключик от дверцы у них в кармане. Разговаривал, спрашивал. Оказалось, никто ничего не знает. Даже не понимают, о чём я спрашиваю. Некоторые, те, что пошмыслёнее, гневно кричали: «Гони его!

Он нам сейчас дурацкими вопросами совесть разбередит и душу наизнанку вывернет! А у нас футбол сегодня, финал Кубка чемпионов».

Если бы у нас, как в Средние века, была культура публичных диспутов, я бы предложил открытый диспут на тему всечеловеческой грусти. Вселенской грусти. «Вселенская грусть — двигатель прогресса». Или «Попытка забыться и развлечься как источник науки и искусства». Было бы интересно.

Грусть — это не тоска и тем более не уныние. Это — не смертный грех. Наоборот, смертным грехом пахнет оптимизм. В восьми случаях из десяти можно подозревать, что оптимист украл что-то, или избежал наказания, или придумал какую-то хитрую пакость. Оптимизмом дышит гимн Люфтваффе, тот самый, где «вместо сердца — пламенный мотор». Наоборот, все влюблённые, то есть те, кто не хочет смотреть на мир сверху вниз и сбрасывать бомбы, грустят. Влюблённые, конечно, пляшут под дождём, скачут через заборы, ночуют под окнами. Но ещё они непременно грустят.

Грустит весенним вечером девушка, ощущая себя пустой и бесполезной. Соловей щебечет, черёмуха с акацией дурманят ум роскошью запахов, а она грустит. Она чувствует, что когда-то родит новую жизнь. Но когда, когда? И как это будет? И где тот, кому можно склонить голову на плечо? И вот природа расцветает и веселится, а человек,

тот, ради кого сотворена природа, грустит и томится.

Грустит и томится юноша. Кровь в его венах — что кипятки в батареях. Но зачем он здесь? И почему Луна такая близкая, но рукой её не достать? Юноша тоже чувствует, что какая-то девушка должна родить новую жизнь. Но он не знает, какая именно, и не понимает ещё до конца, при чём тут он. А природа продолжает свою хамскую весеннюю радость. Это всё равно, как если бы царь во дворце грустил, а вся челядь, все пажи, все стражники и повара были безумно счастливы.

Раньше думали, что человек велик потому, что сумел делать самолёты. Теперь такую глупость может повторить только человек с врождённым психическим дефектом. Человек велик потому, что ему всего мира мало. А раз ему его мало, раз не для этого мира только создан человек, то ему остаётся утешаться стихами и песнями. Человек велик потому, что он грустит о рае и поёт песни. А самолёты нынче и беспилотные есть. Они компьютерами управляются. Но никакой компьютер не споёт «Не для меня придёт весна», и никакой компьютер, услышав песню, не прослезится.

Физику понимают не все. Не все могут разобрать и собрать автомат Калашникова. Не все могут плавать под водой с аквалангом. Но влюблялись все, и грустили все. Значит, это и есть отличительная черта суще-

ства человеческого. И само человечество есть великая семья существ, потерявших рай, грустящих по этому поводу и не понимающих причин своей грусти.

Грусть — это смутная память и не менее смутное предчувствие. Это — бездна, раскрывшаяся в душе и ничем, кроме Бога, не могущая наполниться. О душа, грустящая об утраченном блаженстве! С кем мне сравнить тебя? Сравню тебя с царевной Несмеяной. Почему бы нет? Будем говорить о великом на детском языке. Не будем бояться приоткрывать завесу над тайнами при помощи шуток и прибауток. Будем вести себя как шуты, то есть как самые грустные на свете люди, которые кажутся всем самыми весёлыми.

Царевна Несмеяна плакала во дворце. Сложность была в том, что ей самой была неизвестна причина плача. «Диагноза нет — лечить нельзя», — говорили немецкие доктора. А царевна всё плакала и плакала, так что под её тронном вздулся паркет, а в углах девичьей стала отсыревать штукатурка.

Царь-отец был человек прогрессивный. Он верил в силу таблеток и мечтал о межпланетных странствиях. «Смотри, доченька. Я тебе новую мобилку купил. В ней три гигабайта памяти». А она ещё пуще слезами заливается. «Пойдём, доченька, ко мне в палаты. Посмотрим новый фильм Стивена Спилберга». А она ещё сильнее воет, и слёзы

текут без всякого намёка на исчерпаемость ресурса.

Дальше эта сказка по-разному сказывается. Но главная линия — везде одна и та же. Всё новомодное, всё блестящее, дорогое, заморское усиливало неразгаданные страдания царевны. Так она и убила бы себя страданием, так бы и потеряла зрение от слёз, если бы не любовь к человеку, которого, по причине обычности и невзрачности, никто и замечать не хотел. Он её развеселил, он её утешил, он ей слёзки вытер и к жизни вернул. Он стал ей другом и мужем навсегда.

Это, друзья мои, образ Христа, проникший в сказку. Это намёк на Христа, Которого не видят те, кто от повседневной мишуры ослеп, и Которого по причине Его простоты и смирения не принимают всерьёз мудрецы века сего.

Ну а плачущая царевна, вестимо, это — душа наша, которая ревет безутешно и страдает, якобы беспричинно, пока Небесный Жених в простой одежде не посмотрит на неё мудро и ласково.

Вот оно как.

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Дух Святой сошёл на Христа в виде голубя. Своих последователей Христос ласково называет овечками. Фарисеи удостоились имени змей и порождений ехидны, а Ирода Господни уста назвали лисой, указывая, очевидно, на зоологическое лукавство. Итак, животный мир приходит на страницы Евангелия как символ, как урок или обличение, и важное место в этом мире занимает свинья.

Копыта свиньи раздвоены, но жвачку она не жуёт. Это значит, в понимании иудеев, что внешне она чиста, а внутри — нет. Это значит, что она — символ лицемерия, и если смыть с неё грязь, так чтобы внешний вид не оскорблял ни зрения, ни обоняния, она явится нам по наружности чистой, а внутри не соответствующей религиозной норме. Это живой аналог покрашенного гроба, который снаружи красив, а внутри полон всякой гнили и костей мёртвых. Но это ещё не всё. Обидный символизм свиньи почти

не имеет границ. Обидный не для животного, которое ни в чём не виновно и природу свою изменить не может, а для человека, который, по слову Златоуста, может совмещать в себе дурные качества шакала, змеи, осла, летучей мыши и свиньи одновременно.

Как говорит Феофилакт в толковании на Евангелие, свинья столь упорно и постоянно смотрит в землю и роет её своим рылом, что позвоночник её теряет возможность изгибаться вверх, а значит, свинья никогда не смотрит в небо! Лишь только когда режут её и с усилием задирают голову, свинья впервые видит над собой солнце и облака и в изумлении замолкает.

Это секундное предсмертное изумление при виде неба — тоже обидное качество не животного, но человека, который может зарыть свой талант в землю и земле отдать не только физические труды, но и нравственные порывы, оставаясь вполне чуждым Небесам до самой смерти. Перед смертью он непременно изумится и ужаснётся, и, может быть, завизжит, что исторгнет из наших сердец жалость, но никак не изменит трагичности ситуации.

Она ни в чём не виновата, эта розовая хрюшка, которая пляшет с мишкой и зайчиком на новогодней открытке. Она, возможно, и прокормила наш народ в те долгие столетия, когда захватчики, соблюдая религиозные табу, уводили со всякого двора и коня, и овечку, и корову, но оставляли порабощён-

ным и униженным людям свинью. За это ей кое-где поставили памятники. Ведь её сало и мясо могли быть печальным аналогом манны, которым питались униженные христиане под рукой иноплеменников. Но всё же образ её специфичен и поучителен.

Корова даст молоко и курочка снесёт яйцо ещё при жизни, и лишь свинья отдаст тебе шкуру и мясо только после смерти.

Ослик понесёт на себе хозяйскую поклажу, а конь потянет за собой плуг, и лишь свинья отдаст тебе шкуру и мясо только после смерти.

Пёс громким лаем прогонит вора и клыками защитит хозяина, а кот будет ловить мышей и сворачиваться клубком у ног человека, когда человеку грустно. Но лишь одна свинья отдаст тебе шкуру и мясо только после смерти.

Есть живые существа, которые прядут нить и делятся своей шерстью, не умирая. И лишь одна свинья отдаст тебе шкуру и мясо только после смерти.

Птица может петь в клетке, даже хомячок с аквариумными рыбками могут просто радовать глаз, и все остальные животные будут полезны человеку при жизни. Свинья напрочь лишена этой благой способности. Всё, что у неё есть, — шкуру, сало и мясо — она отдаст человеку только после смерти, истошно завизжав и на секунду умолкнув, встретившись глазами с бездонной синевой.

Таким образом, это ни в чём не повинное животное является печальным при-

мером того, каким может быть человек, а именно — бесполезным при жизни, ничем никому не служащим и лишь по смерти достойным того остаточного уважения, которое выражено в словах «о мёртвых либо хорошо, либо никак».

Если какое животное и может стать именем нарицательным, как то упрямый осёл, хитрый лис или змея подколотная, то свинья всегда станет впереди этого ряда и возглавит его. Она, конечно, может быть названа для усиления речи грязной, и вонючей, и неблагодарной, но можно обойтись и без этого, поскольку само слово «свинья», обращённое к человеку, является без сомнения оскорбительным.

Да она и похожа на человека. Кроме упомянутых шкуры и мяса мы научились брать у неё инсулин именно потому, что строение внутренних органов свиньи очень похоже на строение органов человека. Она всеядна, как крыса и как человек. Она живуча так же, как эти животные. И это биологическое соседство дано человеку не зря. Этим, быть может, Создатель крысы, свиньи и человека показывает нам, что, ниспадая до уровня чистой биологии, отказываясь от «почести горнего звания» и закапывая талант в землю, человек не будет похож на умильного попугайчика, гордого орла или трудолюбивую пчёлку. Его биологическое родство, лишённое Божиего помазания, оттащит его в семью крыс и свиней, из которых первая

вообще никому не служит ни при жизни, ни после смерти, а вторая способна отдать мясо, сало и шкуру только после прикосновения ножа к глотке.

О ней можно говорить на проповеди в тот воскресный день, когда читается о гадаринском бесноватом. Ведь это Евангелие о несчастном человеке, милосердном Господе, жестоких бесах — и о свинье. О ней можно говорить в связи с притчами Соломона, которые цитируются в Новом Завете. Там она, помывшись, лезет в прежнюю грязь, а смысловым соседом её оказывается пёс, возвращающийся к собственной блевотине. Там перед ней нельзя метать бисер, поскольку она может быть агрессивна и, потоптав его ногами, может броситься на неразборчивого сеятеля.

Так или иначе, при чтении слова Божия наша мысль будет то и дело наталкиваться на этого одомашненного представителя животного царства. И мы можем продолжать есть её мясо и сало, поскольку законы кошрута — не для крещёных, а для обрезанных. Но мы должны рассмотреть в этом невинном существе божественное указание на извращённые душевные состояния человека. Рассмотреть, чтобы избежать; рассмотреть, чтобы исцелиться; рассмотреть, чтобы оплакать свинство в себе и свинство в любимом ближнем. Оплакать так же и теми же слезами, какими оплакивается ослиное упрямство, лисья хитрость и холодное коварство змеи.

ГЕРОЙ БЕЗМОЛВСТВУЕТ?

— Почему вы так долго ничего не снимаете? — спросили известного режиссёра.

— Я не вижу своего героя, — ответил тот. «Что значит «не вижу»? Вы что, ослепли? — хочется крикнуть в ответ. — Вот сколько вокруг людей, неповторимых и прекрасных в своей повседневности!». Такова первая реакция. Потом наступает время «реакции № 2», которая может быть полной противоположностью первой.

Герой картины молчит, равно как и герой фотографии, скульптуры и мозаичного панно. А герой киноленты должен разговаривать. Если речь его недостойна коллективной памяти, то фотографировать его можно, а снимать кино с ним, о нём, о таких, как он — нельзя. Серьёзный режиссёр уходит в тень не столько потому, что *не видит*, а потому, что *не слышит* своего героя. Или герой подобно динозаврам вымер,

или он онемел, или голос его наглухо перекрыт бытовым шумом.

Если бы персонажи многих известных живописных картин разлепили масляной краской нарисованные уста, посетители убежали бы с выставки. Случись нам услышать речи «Любительницы абсента» или «Едоков картофеля», родилась бы в нашей душе высокая тоска, рождённая беспросветной бессмыслицей.

Искусство отражает мир. Кинематограф — самый заметный вид современного искусства, отражающего и изображающего мир. Секретарши, влюблённые в шефа; менты, сплетшиеся в схватке с преступностью, как новый Лаокоон, да закадровое «буга-га» в комедийных сериалах — всего этого, согласитесь, мало, чтобы отразить многообразную современную жизнь с её падениями и взлётами. И массовый зритель порою сетует на то, что смотреть нечего. Массовый зритель ропщет порою на мэтров и говорит: «Подайте нам высокое искусство!». Но спроси его о точных критериях высокого искусства, и он ответит смутно. Он будет долго подбирать слова, тянуть паузу, жестиковать. Он, наконец, скажет что-то. Но это «что-то» будет одна из авторских вариаций слов, однажды сказанны Попандупуло: «Чтоб душа развернулась и опять свернулась». С более точными критериями трудно.

С ними должно быть трудно, потому

что жизнь человеческая не имеет дна и до конца не вмещается в слово. Но всё-таки надо разговаривать. Хорошее кино появляется тогда, когда в речи собеседника вдруг угадывается смысловое зерно будущего сценария. Живые корни литературы, надо думать, там же. Вся соль жизни в том, о чём мы думаем и о чём мы говорим.

Прислушаемся к нашим разговорам. Вспомним в главных чертах то, что нам уже пришлось услышать. Ведь через наш небольшой по размеру орган слуха, как сквозь игольное ушко, за годы жизни успели пролезть караваны гружёных верблюдов. Гружёных сплетнями, полезными знаниями, бесполезными знаниями, смысловым мусором и подлинными откровениями.

Нас ждут открытия. Нас ждёт, быть может, стыд. Вначале простой человеческий стыд, а потом и тот, о котором сказано: «За всякое слово праздное...». Нас ожидает горечь смутного узнавания той истины, что все мы не таковы, какими быть должны.

Вот за прилавком в торговом зале две продавщицы, пока никто их не отвлёт, о чём-то говорят друг с дружкой. Вы слышали подобные разговоры? Как думаете, есть в них нечто из разряда «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»? Подойдём к витрине и наострим ухо. Вдруг не ошибёмся. А ошибёмся — пойдём дальше.

Вот мужички на станции техобслуживания, сгрудились в кучку и что-то обсуж-

дают, пока их авто — в руках у мастеров. Курят, поплёвывают, похохатывают и разговаривают. Послушаем их тоже. Тронет за душу — запомним и запишем. Нет — дальше пойдём. Людей вокруг много и все разговаривают.

Так можно провести немало времени и выносить в недрах сознания некий шедевр. Или наоборот — попасть в заколдованный круг из секретарш, ментов и анекдотов. Не верю, что большие мастера не прикладывают ухо к груди площадей, «пароходных контор» и кухонь в отдельных квартирах. Прикладывают они ухо, ждут, ищут, за что зацепиться. И если неестественно долго молчат, может, ничего стоящего поймать не удаётся?

Так о чём же мы всё-таки говорим и какие мысли вместе с морозным паром из наших уст поднимаются в небо?

Каждый ли из нас готов обстоятельно вести разговор на серьёзные темы? Самый простой вопрос: что ты понял в жизни? Даже если тебе восемнадцать, в этом возрасте ты уже успел испытать достаточно боли и радости. Ты мог испытать любовь в родительском доме, дружбу, предательство. Мог сам быть предателем или нарушителем дружбы. Ты уже тосковал, ты уже пел и плакал. Ты чего-то ждёшь от будущего и сам себе кажешься человеком довольно умудрённым. Так расскажи об этом. А нет — напиши. Лет через десять прочтёшь, и бу-

дет над чем улыбнуться по-доброму, будет возможность себя с собой сравнить.

Но ты скажешь: «Никто не выслушает меня. Кому я нужен со своими рассказами?».

Правильно. Такими мы и являемся. Мы не любим слушать других и сами с трудом подбираем слова для выражения внутреннего опыта. Но именно это и надо заметить, узнать, ибо это — опасный диагноз. Получается, что каждый человек интересен и потенциально богат внутренним содержанием. Но нет культурной среды, стимулирующей освоение собственного внутреннего мира. Поэтому хорошие люди, удалённые от смыслового ядра, вращаются по смысловой периферии жизни, говоря о ненужном, думая ненужное, потребляя ненужный культурный эрзац.

Каждый вечер города превращаются в море огоньков. Одни огоньки движутся — это фары едущих автомобилей. Некоторые пляшут, мигают, тухнут и загораются. Это — наружная реклама. Большинство огоньков бездвижны. Это окна квартир. Об этих огоньках пел поэт: «Город стреляет в ночь дробью огней».

Там, где горят огоньки, скорее всего слышны разговоры. Там человек говорит с человеком, или телевизор (компьютер) — с человеком. О чём эти разговоры?

Господи, Ты всё знаешь и всех слышишь. Страшно подумать, сколько всего Тебе приходится выслушать ежедневно! Скажи нам,

шепни нам, сколько в этом бескрайнем море ежедневно произносимых речей слов действительно ценных и важных.

Сколько их? Шепни, намекни. Может, мы поумнеем.

СОДОМ

На том этаже телецентра, где мы ожидали записи передачи, прогуливаясь по коридору, было очень людно. Видимо, Украина продолжала искать таланты, и почти голые девицы, совсем ещё юные, в ожидании вызова на сцену хлопали покрашенными ресницами, шумели в гримёрках, выбегали на перекур, тараторили с друзьями и родителями, прижав мобильники к уху.

Нас было двое, и мы коротали время в занимательном разговоре. Моим собеседником был знаток Ветхого Завета, и мы, мысленно открывая сундук библейских сокровищ, перебирали отдельные его драгоценности, наслаждаясь их красотой. Надпись «Идёт запись» ещё была темна над нашей студией.

О чём мы только не говорили тогда: о благословениях, данных умирающим Иаковом сыновьям; о красной телице; о пропавших без вести десяти коленах; о первом Храме. Каким-то боком разговор наш заце-

пил и тему Содома. Содом — это дело ясное, казалось мне. Неестественный блуд, грубое насилие, мужеложство — вот его яркие признаки. Оказалось, что не только в этом дело. В который раз оказалось, что мы можем привычно думать о чём-то и считать дело ясным и до конца решённым, тогда как дело и неясно, и не решено, и нами до конца не выяснено.

— Содом — это не просто половая содомия, то есть извращение половой жизни, — говорил мой знакомый. — Половая содомия есть лишь часть общей содомии, причём побочная часть.

— А что значит «общая содомия»? — спросил я, по правде сказать, недоумевая.

— Это извращение всех вообще сторон жизни и потеря человеческого облика. Сильнее всего это извращение проявляется в утрате способности отличать добро от зла и, как следствие, в извращении правосудия. Несправедливость в судах, тотальная, вопиющая и невыносимая несправедливость — это такой же фактор Содома, как половая страсть мужчины к мужчине.

Мы разговаривали на ходу, медленно прохаживаясь между кандидатками в «звёзды», огибая их и иногда невольно слегка с ними сталкиваясь.

— Вот эти девочки, к примеру, — продолжал мой собеседник. — Они ходят голые среди мужчин, которые им не отцы и не мужья. И при этом думают, что так и надо. Это —

Содом. Они потеряли чувство меры, чувство стыда, чувство справедливости. С этим согласны их родители. И всё это — Содом. Попробуйте сказать им, что они ведут себя нечестиво, что они развратницы и позор своих семейств. Они набросятся на вас, как стая птиц на падаль, они съедят вас, и вы ничего не сможете им ни доказать, ни объяснить. Это и есть Содом. Их родители, кстати, поступят с вами так же.

Тут я начал вспоминать всё, что читал в Писании о вещах подобного рода.

«У тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд» (Иер. 3: 3).

«Выражение лиц их свидетельствует против них, и о грехе своём они рассказывают открыто, как Содомляне, не скрывают: горе душе их! Ибо сами на себя навлекают зло» (Ис. 3: 9).

Грешить и не краснеть, хвалиться грехом, зарабатывать на беззакониях — вот Содом. И это ещё далеко не всё.

Многие вещи сокрыты ночным мраком. Для того они и творятся ночью. Но люди теряют стыд и свет слова вносят туда, где должно быть темно. Они смеются и говорят открыто о грехах своих. Они гордятся грехами, словно это — победы на поле боя. И это — содомское сознание. Я всегда скрыто чувствовал это, а теперь стал не просто чувствовать, но понимать.

Мы продолжили разговор.

Древнее предание говорит, что четверо

судей было в Содоме: Шакрой, Шакрурай, Зайфой и Мацли-дин. Первые двое получили имя от слова «шекер», то есть «ложь». Третий — от слова «зайфон», то есть «подделыватель», а имя четвёртого означает «извращающий правосудие».

Извращённое правосудие — вот Содом. Тебя ограбили, но ты же ещё и должен. Это — Содом. Ты обратился в суд и обнищал от судебных издержек, но правды так и не добился. Это — Содом. У тебя отобрали имущество, лишили наследства или сбили на дорогой машине, но ты же и оказался виноват — вот тебе настоящий Содом, без всякого отношения к половым пакостям. Это потом несправедливые судьи, обмывая очередную «победу», будут смеяться над жертвой, упиваться и в пьяном виде творить пакости. Эти-то пакости мы и называем «содомом», но сам «содом» — это то, что творится раньше, то есть беззаконие.

Жестокость, бесчеловечие — признаки извращённого бытия. «Вы, — говорил Исаия, — присоединяете дом к дому и выгоняете бедняка. Как будто вы одни живёте на земле».

И он же говорил, что если бы Господь не сохранил Израилью остатка, то израильтяне были бы как Содом, уподобились бы Гоморре.

Бесчеловечие, обман, тотальная жестокость — вот родовые признаки Содома, и мы в нём живём. Да, к счастью, однополые забавы и половая гнусь культурно всё

ещё далеки от нас. Но не только в этом дело. В роскоши и грабеже — Содом; в злой неправде — Содом. А уж там, за высоким забором Содомского дворца, выстроенного на слезах безответных жителей земли, никто не помешает поселиться и всякому половому извращению. Так оно и бывает. Так оно и есть.

Воплощённый, актуализированный Содом — это «Колымские рассказы» В. Шаламова, где урка играет в карты на свитер, только что присланный с воли соседу по нарам. Урка проигрывает чужой свитер, а человек согласен снять его только вместе с кожей. Человека молча и спокойно режут на смерть, и снимают с него свитер, и продолжают дальше играть. И эта будничная картина есть картина Содома, даже несмотря на отсутствие в кадре всякого намёка на педерастию.

И когда интеллигент «тискает роман» блатному авторитету, то есть, стоя «на цырлах», «по понятиям» излагает блатному авторитету смысл классического произведения, будь то «Ромео и Джульетта» или «Фауст», то это тоже Содом. Этот несчастный интеллигент может ещё, рассказывая, и пятки чесать этому самому авторитету, зарабатывая часть блатной пайки, и это уже совсем сравнить не с чем. Педерастии может не быть, а Содом есть, и он очевиден.

Это не апология половых извращений. Да не будет!

Это попытка расширить понимание проблемы до её истинных размеров, а не до локальных границ, установленных произвольно. Содом не просто извращённый блуд, но целиком извращённая жизнь и лишь тогда, как неизбежный плод её, извращённая половая жизнь. Ибо как и остаться неизвращённой половой сфере жизни, если вся жизнь вообще извращена?

Вот доктор Беттельгейм в книге «Просвещённое сердце» описывает случай в концлагере. Эсэсовец замечает двух работяг, работающих в полсилы. Он закипает гневом и приказывает этим двум копать могилу и лечь в неё. Те исполняют. Потом эсэсовец ищет исполнителя казни и находит взглядом некоего польского князя из «бывших». (Люди с отметиной благородства в Содоме выживают хуже всех. Их быстро замечают и быстро уничтожают. Содому нужны только представители усреднённого человечества.)

— Закапывай их, — говорит офицер бывшему князю.

— Не буду, — отвечает узник.

Следует удар прикладом в лицо.

— Закапывай!

— Не буду.

Ещё удар. Поляк непреклонен.

— Хорошо, — говорит офицер. — Вы двое — марш наверх.

Те вылезают.

— Ложись! — звучит команда. И поляк ложится на место тех двух.

— Закапывайте его!

Приказ обращён к тем двум, которые только что лежали в вырытой ими могиле. Они бодро забрасывают землёй поляка. Когда тот уже совсем покрыт комьями грунта, звучит команда: «Хальт!».

— Ты, — обращаясь к поляку, говорит немец, — вылезай! Вы двое — обратно в могилу!

— Закапывай их, — опять говорит поляку немец. И на сей раз только что вылезший из земли поляк закапывает этих двух до конца, до смерти, под завязку. Цель достигнута. Цель — не просто убить одного человека, а сломать другого человека и заставить людей убивать друг друга. Это — Содом. Это умное и холодное торжество зла.

Когда человечество доходит до подобных стадий развращения, то оно, человечество, уже, как правило, не лечится. Или лечится, но только обильным кровопусканием. Только большая кровь лечит великое развращение, и здесь объяснение и всемирного потопа, и огня, пролитого на Содом и Гоморру. Здесь указание на то, почему кровавые конфликты по временам трясут Вселенную.

Бытовой Содом тому причиной, и кто не хочет большого кровопускания, тот должен стремиться к нравственному очищению. Иначе всякая человеческая неправда неумолимо приводит к катастрофе, так же, как все сточные воды, несущие кал и грязь, стекают в канализацию.

Мы в лице педерастии ненавидим лишь одну маску Содома, но вполне уживаемся с другими его образами и лицами. Мы презираем тех мужчин, которые... Не будем описывать то, что делают эти якобы мужчины.

Но это не единственная форма воплощения содомского сознания. Неправда в суде, злая радость о чужом горе и унижении, обогащение на слезах простого человека — всё это Содом и только Содом. И наказание этим извращениям соответствующее.

Голых девчонок продолжали вызывать на сцену, и они, окрылённые позорной и несбыточной надеждой, на сцене продолжали плясать. А мы ходили среди живого Содома и рассуждали о нём же, то ужасаясь действительности, то удивляясь глубине Божественного слова.

Ведь действительно с трудом в голову входит та мысль, что содомитов плодят не только ночные клубы и бары по интересам, но также юридические вузы и прочие подобные инстанции.

Вскоре администратор позвал в студию и нас. Наступило время записи передачи, на которую мы пришли. Над входной дверью зажглась надпись «Тихо! Идет съёмка».

Кинокамера уже не стрекочет. Бесшумно работает цифра, и перед лицом Господа Саваофа пишется памятная книга обо всём, что творится на лице Земли.

А мы живём внутри Содома и настолько свыклись с этим, что уже не замечаем боль-

шей части извращений и несправедливостей. И если можно хоть что-то изменить, то нужно менять ветхое на новое как можно быстрее. А если нельзя ничего изменить, то нужно хотя бы хранить веру и не отчаиваться, потому что «праведный верою жив будет, а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя» (Евр. 10: 38).

РАЗГОВОР О БОГАТСТВЕ

Если нас учат или, что хуже, поучают люди, то на них мы можем гневаться, раздражаться, махать рукой. Можем, словно дубиной, отмахиваться притчей «Врачу, исцелися сам». И, действительно, кто без греха, тот и бросай первый камень. А раз все грешны, то есть шанс при любых грехах остаться без наказания.

Но если учит нас природа, если в ней поместил Бог Свои уроки, советы и подсказки, то отмахиваться от этой науки уже сложнее. Видимо, поэтому Моисей брал во свидетели небо и землю, говоря «внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих» (Втор. 32: 1).

Люди, бывшие свидетелями, могут умереть, не передав следующим поколениям важных знаний. Люди могут быть забывчивы, легкомысленны, наконец, корыстны. Из свидетелей они могут превратиться

в лжесвидетелей. А вот небо и земля никуда не исчезают, всё помнят и продолжают быть свидетелями верными. Нужно лишь изучить их язык, чтобы уроки природы стали для сердца и разума внятны.

Один урок предложим нынче общему вниманию. Связан он с рекой Иордан.

У вас в школе могла быть «двойка» по географии. Вы можете не знать имена главных водных артерий планеты, но об этой речушке вы слышали наверняка. Собственно она не такая уж речушка. Общее протяжение Иордана насчитывает 252 км. На своём пути она впадает в два больших озера, которые носят имя «морей»: море Галилейское и море Мёртвое. Первое озеро многоименито. Это то самое озеро Генисаретское или море Тивериадское, о котором пишется в Евангелии. Евреи называют его Кинерет. Этот водоём кипит жизнью. Его берега покрыты тропической растительностью, а вода богата рыбой. Будучи озером, этот водоём ведёт себя временами как настоящее море, и вспенивается высокими и опасными волнами. А дальше, вытекающая из Кинерета, Иордан, пройдя ещё 100 км, впадает в Мёртвое море.

Этот водоём действительно мёртв. В нём нет не то что рыбы, а даже моллюсков и водорослей. Это, как говорят справочники, самый низкий участок земной поверхности. Словно сходя к аду, Мёртвое море хранит на своём дне то, что осталось от Содома и Гоморры.

Мы совершили такое пространное вступление, чтобы приступить, наконец, к уроку, заключённому в этих деталях Палестинской географии. Генисаретское озеро принимает в себя воды Иордана и отдаёт их. Поэтому оно живо, причём живо с избытком. А Мёртвое море принимает в себя пресные воды Иордана, но никуда их не отдаёт (Иордан уже никуда из Мёртвого моря не вытекает), и оно мёртво. Закон напрашивается на формулировку: жить — значит принимать и отдавать. Принимать и не отдавать — значит умереть.

Это универсальный закон. Если глаз принимает свет, но не посылает импульс в мозг, человек ничего не видит. Если желудок принимает пищу, но не сваривает её, не отдаёт энергию всему организму, человек болеет и мучается. То, что справедливо для организма отдельного человека, справедливо и для общества.

По большому счёту, всё, что у нас есть, не совсем наше. Многие хорошее и плохое мы получили по наследству. Это касается талантов, способностей и склонностей, из которых одни подобны благословию, а другие — наказанию. Самодостаточен только Бог. Все остальные, включая человек и ангелов, зависимы. Справедливо спрашивает апостол Павел: «Что ты имеешь, чего бы ты не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» (1 Кор. 4:7).

Мы, например, неоплатные должники своей первой учительницы. Если бы она

не научила нас «буквы ровные писать тонким пёрышком в тетрадь», не получили бы мы в дальнейшем никакого образования. Не был бы врач врачом, а инженер — инженером. Всё богатство человеческой мысли было бы для нас задёрнуто плотной тканью нашего невежества. И список тех, кому мы должны, можно продолжить.

Нас родили, кормили, лечили, учили, защищали, наставляли, наказывали. Всё это — разновидности блага, которым мы пользовались. Тот, кто высоко взобрался по лестнице общественной значимости, не имеет права этого не понимать. От первого урока переходим к уроку второму. Он звучит более кратко: делиться надо.

Нельзя только получать не отдавая. Знаниями, силой, навыками, деньгами нужно делиться. Во-первых, просто для того чтобы жить (согласно первому закону), а не умирать духовной смертью. А во-вторых, из благодарности к сотням простых людей, без которых богатый бы не был богат, известный — известен, а умный — умён.

* * *

Допустим, некто из людей, отличающихся богатством и облечённых властью, решил делиться. Мы уже обрадовались, но... Попридержим радужные ожидания. Дело не так просто как кажется Емеле, лежащему на печи.

Сам богач не будет входить, согнувшись, в хижины бедняков с милостыней в руках. А если и будет, то не уверен, что его надолго

хватит. Милосердное движение сердца у богатого человека рождает нужду в помощниках: в тех, кто исполнит благую волю начальника или господина. Здесь нас подстерегают проблемы.

Генерал умён и солдаты храбры. Чего, казалось бы, не достаёт для успешного ведения военных действий? Мы ещё не знаем, каково среднее звено: сержанты, старшины, прапорщики и младшие офицеры. От них зависит всё. Они — немножко солдаты и немножко полководцы. Лавры, в случае победы, получают генералы. Тяжесть войны вынесет на плечах солдат. Но совершенно ясно, что победа возможна лишь при качественном уровне среднего звена.

Чем сложнее цивилизация, тем сложнее механизмы взаимодействия между группами, классами, прослойками. Если царь добр, но к нему не добраться; если приказ мудр, но телефон испорчен, тогда — катастрофа.

Ангелы служат, принося людям веления Божии и вразумления, и относя к Богу наши молитвы и просьбы. Любой посредник должен быть Ангелом. Иначе он будет демоном.

* * *

В Четвёртой книге Царств много говорится о пророке Елисее. У этого великого мужа был слуга по имени Гиезий. Слово живое пророчество об Иуде, который был вблизи Господа Иисуса Христа, но деньги любил

больше, и этот слуга Елисейев был стяжатель. Когда пророк исцелил сирийского военачальника Неемана от проказы, то в награду не взял с того ничего. А Гиезий, не утерпев, побежал за колесницей Неемана и выпросил подарки. Елисей спросил слугу, куда он ходил. Но тот ответил: «никуда не ходил раб твой». Но пророк продолжил и сказал, что сердце его сопутствовало Гиезию, и не утаилось дело слуги от Елисея. Последние слова пророка были следующими: «Пусть же проказа Нееманова пристанет к тебе и к потомству твоему навек» (4 Царств 5:27).

Далеко не каждый благодетель — Елисей. Зато опасность стать Гиезием подстерегает всякого посредника и распорядителя чужих богатств. Чужое добро липнет к пальцам, как мёд. И чем дальше конкретный адресат помощи от глаз приставника или чиновника, тем легче и удобнее воровать, не думая при этом, что ты настоящий вор. «Не младенцев от груди отнимаю, не копейки из шляпы слепца, просящего милостыню, выгребаю», — думает человек, и тем удобнее запускает руку в различные фонды, кассы и благотворительные счета.

Так что богач, вдруг захотевший разбогатеть добрыми делами и благословениями тех, кому решился помочь, найдёт ближайших врагов в людях, поверенных в его делах, имеющих доступ к распределению средств. **Высшая мудрость богатого человека, таким образом, это — умение окружить себя**

людьми правильными. Правильными, то есть профессионально грамотными и хотя бы относительно совестливыми. Во все дела вникать всё равно не сможет никто. Многие придется доверять и поручать, в надежде на честность и исполнительность. И главная тревога, как бы не приставить (по недосмотру или по скудоумному безразличию) волков за овцами глядеть.

Есть в житии святого Ефрема Сирина иллюстрация этих слов.

Во время голода владельцы хлебных складов традиционно взвинтили цены. Ефрем обратился к ним с горячим словом обличения. Те смирились и согласились помогать бедным. Но высказали одну просьбу, а именно: пожаловались на отсутствие людей, кому можно было бы, не боясь, доверить раздачу хлеба беднякам. И просили Ефрема заняться этим лично. Тот согласился, взял деньги на еду и стал попечителем бедных. Отсутствие нужных людей именно и означает отсутствие честных людей, без которых любые благие порывы милосердных богачей превратятся в насмешку над их стремлениями. Деньги растекутся по карманам приближённого ворья, а бедный оботрётся, как будто сытно поел.

Итак, делиться надо, иначе умрёшь злой смертью и навеки. Но, желая делиться, нужно вначале озаботиться подбором кадров по принципу честности и исполнительности.

Так сложно выглядит творение добрых дел для богатого. Бедный копейку свою при случае из рук в руки отдаст. А богатый этой роскоши лишён, потому, как ни странно, может умереть, не имея за спиной никаких дел милосердия.

* * *

Весь евангельский текст, а значит и всё значимое в земной реальности, пронизано упоминанием денежных знаков. Это и лепты вдовицы, и иудины сребреники, и дидрахма храмовой подати, и таланты из притчи. Таланты как мера веса благородных металлов, а не как особые дарования.

Постоянно упоминаются и богатые люди. Один богач назван безумным, и посреди тревог о разрушении одних житниц и строительстве новых ему сказано: «В ночь сию душу твою возьмут от тебя».

Другой, из притчи о нём и Лазаре, ходил мимо гнойного бедняка, пока не оказался в аду и стал просить Авраама послать этого же бедняка простудить ему язык.

Богатый юноша, с детства много трудившийся в делании заповедей, услышал: «Продай всё, раздай нищим и иди за Мной», после чего отошёл, скорбя.

Очевидно, тема богатства очень важна, раз Христос пришёл спасти и исцелить человечество, а оно — человечество — только тем и занимается, только о том и мечтает, как бы разбогатеть и ни в чём не нуждаться. Библейская критика и учебники истории,

как общее место, повторяют тезис о том, что плодотворной средой для распространения христианства была беднота и рабы. На самом деле, исходя из многих евангельских текстов, видно, что проповедь спасения и перемены ума (покаяния) обращена к богатым ничуть не меньше, чем к бедным. Может даже и больше.

В любой Церкви, в любом храме богатые люди не составляют большинства. От этого может показаться, что христианство — религия нищих и убогих. Но на самом деле, богатые составляют весьма малый процент в любом обществе. Было бы странно, если бы они составляли большинство на наших богослужениях. Если в обществе их — 2-3%, то и в храмах эта пропорция не должна быть критично превышена.

Бедный идёт к Богу от беды, богатый идёт к Богу от ума и от измученного сердца. Случись бедному стать богатым, не факт, что мы скоро увидим его опять в храме. Об этом мы вкратце уже говорили. Богатый же, если пришёл, то требует к себе правильного и серьёзного отношения.

Под серьёзностью я понимаю отсутствие заискивания в первую очередь. Мы становимся «судьями с худыми мыслями», как пишет апостол Иаков, когда говорим человеку с перстнем: «сядь здесь», а человеку нищему говорим: «стань там». Нужно однажды понять, что богатые люди — такой же объект проповеди, как и все осталь-

ные. Мы реально обкрадываем их бессмертные и, несомненно, грешные души, если ограничиваемся в общении с ними лишь освящением мерседесов, питьём водки на праздниках и просьбами о материальной помощи на приёмах. У многих из власть имущих создаётся **опаснейшая иллюзия** о своей близости к Богу, поскольку они «стояли на Пасху в алтаре, лично знают такого-то владыку, имеют церковную награду» и проч.

Со страхом нужно говорить о том, что мы дадим ответ Богу о душах тех, кого мы лицемерно и чрезмерно чтили, вместо того, чтобы и им тоже благовествовать «день ото дня спасение Бога нашего».

Почитаемый ныне за власть и богатство человек может быть двойным банкротом. На земле, не взирая на комфорт и различные выгоды, он всё равно болел, страдал, нервничал, боялся, в конце концов — умер. Но на земле все смотрели на него снизу вверх и произносили имя его с придыханием. Оттого самых важных слов ему, быть может, никто так и не сказал. А ведь мы должны их сказать.

Вот эти слова.

«Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельствовать против вас и съест плоть вашу,

как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни» (Иак. 5: 1-3).

Чтобы в таких выражениях и таким тоном говорить с богатыми, нужно быть участником Духа пророческого. Нужно быть рабом Господа Христа и не быть рабом человеков, чтобы иметь смелость произнести или прочесть вслух эти слова при соответствующей аудитории. Наша цель — не дешёвые эффекты, но Истина. Видно, мы мало служим Ей, раз у богатых создано твёрдое предубеждение о возможности откупиться от Страшного Суда и поменять земной рукотворный рай, ими создаваемый, на рай истинный, без всякого страха, боли и наказания.

* * *

Люди хитры и корыстны. Люди злы. Всё это достойно слёз, но говорить об этом необходимо. Люди зачастую лукавы. Будучи лукавыми, они похожи на того, о ком упоминается в последних строчках молитвы «Отче наш», там, где говорится «но избави нас...».

Пёс похож на хозяина, раб похож на господина. Человек лукав, потому что не служит Благому, но служит лукавому.

Для того кто зол — весь мир плох, а сам он хорош. И то ему не так, и это не так. «Вот если бы да кабы, то и я был бы иным. А так — извините, мир несовершен. Не собираюсь я стремиться к совершенству посреди всеобщего несовершенства».

Узнаёте своё нутро? Это ведь (не исключено) и ваши внутренние монологи.

Для того чтобы жить по страстям и от страстей чрезмерно в совести не мучиться, лучший способ — возложить вину на Бога и Церковь. Дескать, Бог плохо всё создал и устроил, а Церковь Сама погрязла в грехах. Не Ей меня учить.

Предложу мысленное лекарство против этой мысленной язвы. Был такой человек, Веселеил. По-еврейски — Бецалель. Это был великий мастер, которому Бог дал премудрость для произведения различных украшений скинии и устройства её самой. Уходя из Египта, евреи выпросили у египтян множество украшений из золота. Это золото и пошло на украшение скинии.

Мудрость же Веселеила проявилась также в том, что он видел, кто даёт золото на украшение переносного храма от сердца, а кто — по тщеславию. Золото сих последних он употреблял не на важные вещи, а на украшение ограды и проч. Так вот, однажды спросили евреи одного из своих мудрецов, почему, дескать, он ездит в дорогой карете и шуба на жене его дорогая. Ведь деньги-то общинные. И сказал он им в ответ: «Раньше люди давали деньги из любви к Богу. Мы употребляли их на украшение Торы и священные нужды. А теперь все вы жертвуете по тщеславию. Нам ничего не остаётся, как тратить эти деньги на шубы и коней».

Евреи и умны, и хитры. Это факт. Раввин хитро «съехал» с темы. Но нет ли здесь урока? Ой, братья, сдаётся мне, что есть. И опять, урок сей — для богатых. Ты думал, что жертвуешь на Бога и Церковь. А на самом деле жертвовал ты для утоления тщеславия и в виде откупа. Ничего кроме предметов роскоши, согласно притче, на твои тщеславно подаренные деньги купить невозможно. Польза от твоих денег съедена молью, разбита в авариях и смыта в ватерклозете. Не думай получить что-либо за эти тщеславные дары на Небе, потому что и те, кому ты жертвовал, ни разу, быть может, за тебя не молились.

Если эта еврейская притча не тронет твоё сердце, то послушай анекдот. На Суде у ворот Рая говорят богатому: В ад! Он не согласен и говорит: «Я столько-то и столько-то денег потратил на строительство храмов». А ему отвечают: «В ад! А деньги мы вам вернём».

Ещё раз напомним, что деньги — это не бумага и не металл. Это — превратившийся в бумагу и металл пот трудящегося человека. Это пот пахаря и учёного, сталевара и водителя дальнобойщика. Деньги — это мистический факт. И брать их, и давать их нужно с соответствующими мыслями и чувствами. Отношение к деньгам не просто находится внутри морали. Это проверка морали на предмет её существования. Несерьёзность человека в отношении к деньгам говорит о его несерьёзности вообще.

Нечестность или жадность человека в отношении к деньгам говорит о его всецелой нечестности и жадности. О гнилости, то бишь, и о родстве с Иудою. И не зря мы не можем ни разу причаститься без воспоминания об этом бывшем ученике и апостоле. Говорим же постоянно перед Чашей: «Не бо врагом Твоим Тайну повем, ни лобзания Тебе дам, яко Иуда».

СТАРОСТЬ, СМЕРТЬ, ИЛЛЮЗИИ

Кто знает, чего бы не натворил человек, не награди его Всеблагой Господь слабостью. Человек устаёт, исчерпывается, иссякает, заканчивается. И всё это ни в коей мере не противоречит учению о вечности человека. Учение о том, что человек будет жить вечно, нужно различать от мыслей о том, что человек будет «жить всегда».

«Жить всегда», так можно назвать представление о вечной жизни, похожей на ту, что мы проживаем в нынешнем состоянии. В этом случае мы совершаем мысленное усилие и продлеваем до размеров «дурной бесконечности» ту жизнь, которую влачим сейчас. Это истинное проклятие, а во все не благословение, как бы странно это не звучало для кого-то.

Жизнь вечная это не та же самая жизнь, что известна нам по земному опыту, лишь умноженная на бесконечность. Это — иная

жизнь. А «эта, нынешняя жизнь» к счастью конечна, исчерпаема. И конечным, исчерпаемым в рамках этой жизни является главный герой земной драмы — человек.

Старик может быть жив полноценной осмысленной жизнью. Но для молодёжи он почти что мёртв. Мёртв потому, что не смеётся над шутками молодых и не пляшет под их свирели. Отказаться от шуток и плясок для молодых то же самое, что лечь в гроб. Иной способ жизни им пока недоступен. Тот, кто не разделяет их взгляда на жизнь, для них — мертвец. Но, повторяю, разве старик мёртв только оттого, что не вскидывает колени под музыку и не хохочет, надрывая связки?

Блажен старик, который не пляшет оттого, что повзрослел для пляски. Горе старику, который рад бы плясать, но радикулит — помеха. Тогда он действительно мёртв и в своих глазах, и в глазах молодёжи.

Он должен исчерпаться для одних занятий, но должен созреть для других. Если это произошло, то пусть кто-то считает его живым трупом. Найдутся и те, кто посчитает его кладезем мудрости. Думаю, тот же порядок мыслей справедлив для смерти вообще.

Человек исчерпался, иссяк, ослабел для земных дел. Но вместе с этой слабостью должна вызреть в нём внутренняя бодрость для иных дел и иной активности. «Я дерусь молча», — говорил в одном из последних интервью А. Ф. Лосев, имея в виду, возможно, молитву.

Он, старик, не совсем мёртв. Скорее полумёртв для земли с её делами, но уже есть в нём нечто и для иной жизни. К биению этого зародыша в сердце он может прислушиваться с той же степенью трепетности, с какой молодая мать слушает робкие движения внутри своего чрева.

Чтобы разобраться в перипетиях свежих политических событий, у него хватает ума. Но не хватает желания этим заниматься. И времени не хватает, поскольку есть дела поважнее. Назовите его «мёртвым гражданином», и это будет значить, что одну из мыслей блаженного Августина вы подчеркнёте красной линией. «Для града земного человек омертвел. Для Града Небесного он созревает».

Писатель писал, писал и вдруг замолк. Публика, раздражившая вкус, требует продолжения банкета, а он молчит. Композитор, находясь на вершине признания, вдруг перестаёт сочинять музыку и морщится, слыша речи о своём таланте. Не встречали ли мы подобных случаев в истории? Ещё сколько встречали. Россини, к примеру, на вершине славы вдруг перестал писать, как пот со лба вытер. Дескать, хватит. И прожил ещё очень долго без угрызений совести о закопанном таланте. Один американский писатель сказал, что пятьдесят лет ему понадобилось, чтобы понять, что у него нет писательского таланта. К сожалению, добавляет он, я уже был известным писателем.

Значит ли это, что талант иссякал, то есть исчезал, и на место оазиса творческих вдохновений пустыня бесплодия насыпала свои пески? Иногда — да, но иногда и нет. Иногда человек перерастал ту стадию творческой деятельности, которую распознали и полюбили в нём, и выходил на высшую степень, которую ни понять, ни полюбить большинству не удавалось.

Наш Гоголь не стоит ли особняком от всей пишущей братии именно благодаря беспощадности к своим творениям и таинственной молчаливости? Надо думать, что то, о чём он молчал, было значительнее того, о чём он писал. Слова и звуки вообще рождаются из молчания, как и все краски мира появляются из белого цвета при разложении. И кто-то уже счёл Гоголя мёртвым, раз он перестал писать, а он, быть может, только жить начал. Вернее, перешёл на иную ступень жизни. Ведь жизнь это лестница вверх, это лестница Якова. Гоголь и молился в предсмертном бреде к Богоматери словами из акафиста: «Радуйся, Лестнице Небесная, Ею же сниде Бог». Не по памяти читал слова, а из глубины души, самой душой при сумеречном сознании молился!

Я думал когда-то, что святые все сплошь и рядом были дерзкими и радостными перед лицом разложенных костров, наточенных топоров и пил. О том, что многие бледнели и слабели вплоть до бессилия взойти на помост казни, как-то не думалось.

Сплошные сентенции крутились в голове вроде «помолился, и идола, упав, сокрушились»; или «внезапно пролившийся дождь потушил костёр, и олово вдруг остыло». Это не моя глупость виновата. Это виноват восторженный житийный стиль, позаимствованный у католиков в барокковые времена. Если бы таковы были все страдания, то страдать не только не страшно, а даже хочется. Куда как страшнее проза жизни с лампочкой без абажура, следователем напротив и истязуемым священником, у которого выбиты зубы, сломан нос и расстреляны все родственники. А на столе у следователя — протокол с фантастическими признаниями. И не факт, что доведённый до грани отчаяния священник или епископ его не подпишет, хотя бы ради скорейшего расстрела.

Точно так же и о старости думалось. Вот, мол, жил себе святой человек, не чувствуя тяжести прожитых лет. Жил и только о Господе радовался. Потом безболезненно и непостыдно с молитвой ушёл из этого мира в тот. Казалось, ни старость, ни болезни не должны действовать на святого человека. Потом с большим удивлением дочитался до того, что к старости у многих слабела память, оскудевали силы. Потом на место удивления пришло благодарное спокойствие. А разве может быть иначе? Вот и любимый ученик Господа, доживши до глубокой старости, не от лени ведь говорил одну краткую фразу: «Дети, любите друг

друга». От старости и слабости он повторял её одну, поскольку, если бы был крепок, то говорил бы так же ярко и богато, как писал в Евангелии.

Иллюзии уходят. Пропади они пропадом, но только постепенно. Сразу от всех иллюзий освободиться нельзя. Или можно, но очень опасно. Так и Господь обещал евреям прогнать всех врагов от Обетованной земли, но не сразу, а постепенно. Почему постепенно? Чтоб не умножились дикие звери на опустошённых землях. Так вот! Избавь слабого человека от всех иллюзий одним махом, он и веру потеряет, поскольку вера его на добрую половину из иллюзий состоит. Звери тогда умножатся. Дикие и умные звери. И пожрут человека.

Человек устал. Народ устал. Человечество устало.

Всё это явления закономерные и неизбежные. Вечный марш энтузиастов звучит кощунственно и омерзительно над землей, в которую зарыто столько мёртвых тел, многих даже без отпевания. Посему не надо бояться усталости. Ну устал, ну исчерпался, ну выработался. Что такого? В одной шахте породу выработали — другую роют. В одном месторождении запасы нефти истощились — другие скважины бурить пора. Не заливать же пустую скважину слезами от тоски, что нефть в ней кончилась.

Оскудевают таланты, исчерпываются силы, истекают дни. Святые, и те устают.

Праведники тоже болеют. И все о смерти думают с содроганием. Шакалу только — радость. Можно громко крикнуть, что Акела промахнулся. А мудрому — наука, чтоб ещё мудрей был. Великое унижится, стройное согнется, красивое поблѣкнет. Сладкоречивый умолкнет и храбрый не пойдёт на бой. Рано или поздно, в той или иной мере, всем нам придётся с этим повстречаться. Так попробуем поумнеть заранее, чтобы не осквернять впоследствии воздух глупыми словами, родившимися в глупом сердце.

Вот человек озирает медленным взглядом дом, в котором он жил. Сейчас он уйдёт навсегда, и нужно забрать самое важное. Он не может унести шкаф, кровать, комод. Там, куда он идёт, ему не пригодятся ни занавески, ни горшки с цветами. По всему, что лежит на полу и висит на стенах, человек скользит прощальным взглядом. Всё, что он может взять, это лишь заплечный мешок с деньгами, хлебом и документами. Вот он крестится, надевает шапку и хлопает дверью. Теперь дом останется только в памяти, да и то ненадолго.

Так будет уходить из этого мира в иной мир всякий человек. Не всякий человек перед дорогой перекрестится, но, что совершенно точно, всякий не возьмет с собой в дорогу ни кухонный шкаф, ни прикроватную тумбочку. Отчуждённым взглядом посмотрит человек на многое, что окружало

его при жизни. И только документы, деньги и хлеб нужно будет взять человеку. То есть надо будет понести на душе знаки того, что она веровала в Господа, и добрые дела можно будет понести, как свидетельство, и причаститься Небесным Хлебом нужно будет перед дорогой. Вот и всё! Хотя сказанного ужасно много.

И тот отчуждённый взгляд, которым окидывает уходящий человек своё место закончившейся жизни, непонятен тем, кто под жизнью понимает только «эту» жизнь. А тот, кто уходит, уже не захочет вернуться, даже если бы ему предложили. Здесь он иссяк и исчерпался. Пора начинать жизнь в другом месте и в другом качестве. Всё это совершается ежедневно, но продолжает оставаться непостижимым и удивительным.

СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ

Легко восхвалять Творца Вселенной, любуясь искрящимися каплями росы на рассвете, или наблюдая неспешный ход белоснежных облаков. Но когда скорби и испытания подступают к человеку, он в отчаянии забывает о милосердии и любви Господа. За что? Почему? Человек искренне ждёт откровения и в недоумении смущается его душа, — неужели так и не будет ответа? И в этот момент творение почему-то забывает о том, что его Творец неизречен, неведом и непостижим.

Есть тяжёлые вопросы, само произнесение которых даётся тяжело. «Доколе, Господи?» — спрашивали праведники, встречаясь глазами с кошмаром, родившимся от греха. «Зачем Ты Меня оставил?» — кричала Распятая на Кресте Истина Своему Отцу. В этом крике — вся боль мира и все противоречия его, на том же Кресте тогда же снятые, но остающиеся не снятыми для наших глаз. Вопросы могут не оставлять чело-

века и за гробом. «Доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь за кровь нашу?» (Откр. 6: 10), — спрашивают Господа души замученных за Его имя. И их вопрос передаёт нам тайнозритель Иоанн.

Великие тяжёлые вопросы не произносятся сразу, но, как дитя, долго носятся под сердцем. Их не задают, развалившись на диване или завязывая галстук. Их скорее кричат, обращаясь непосредственно к самому Небу, и Небо может молчать, а может и отвечать, как отвечал некогда Иову на его болезненные крики Господь.

Но есть разряд людей, теоретически обеспокоенных широкой и неподъёмной проблематикой. У таких людей легко слетает с уст: «Почему в мире так много страданий?» или «Спасутся ли язычники?». Видимо, они забывают, что в ответ на вопрос человеческий Бог имеет право молчать, имеет право отвечать на вопрос — вопросом, и вовсе не обязан играть с нами в игру, подобную пинг-понгу: мы Ему — праздный вопрос, Он нам — великий ответ.

«Скажи нам, какую властью Ты всё это творишь?» — спрашивали Христа фарисеи. А Он их спросил в ответ: «Крещение Иоанново было с неба или от человеков?». Они знали, что, если скажут «с неба», Он спросит: «Почему вы не веруете ему?», — но боялись также сказать «от человеков», потому что люди почитали Иоанна пророком. Они сказали: «Не знаем». Тогда и Христос сказал

им: «И Я вам не скажу, какую властью всё это творю».

Переведём ситуацию на нас с вами. Мы спрашиваем Бога: почему в мире так много страданий? А Он отвечает: спрошу тебя и Я — ты все Мои повеления выполнил? Ты все слёзы, какие мог вытереть, вытер людям? Все раны перевязал? Все долги раздал? Во всех добродетелях до крови подвижаешься? Мы, если не являемся пациентами соответствующей клиники, конечно, скажем: нет. А Он имеет право продолжить: вот ты своим ответом на свой же вопрос и ответил. Обо всём мире тебе переживать не надо, а та мера страданий, которая открыта твоему взору, зависит от тебя и доступна твоему воздействию.

Между нами и Богом реально проходит диалог, проходит постоянно. Он повелевает — мы делаем вид, что не слышим. Он зовёт — мы отнекиваемся. Он будит совесть нашу — а мы усыпляем её. Когда же совесть особо не мучит, голод не угрожает и сапоги не жмут, мы дерзаем произносить праздные теоретические вопросы, касающиеся вещей невместимых. Например, «спасутся ли язычники?».

Представим себе, что Господь даст нам ответ. Причём даст в том духе, к которому мы привыкли: в духе мерзкого анкетирования, или участия в выборах, или голосования на ток-шоу: да/нет. Неужели вы думаете, что краткость и громадность этого

ответа оставит вас в живых или хотя бы не искалечит?

«Да, спасутся». Что это значит? Это неминуемо означает рождение вопроса: а зачем тогда всё? Посты, праздники, покаяние, воздержание? Почему литургия, а не орфические мистерии? Почему нужно читать псалмы Давида, а не беседы Конфуция? Понимаете ли, что при ответе «да» вы тут же бросите Церковь? А если не тут же, то через небольшой промежуток времени?

А если ответ будет «нет»? Тогда ещё хуже. Тогда вы имеете право стать в позу Ивана Карамазова или сытого дореволюционного барина и, растягивая слова, с апломбом произнести: «В вашего Боженьку я верить отказываюсь. Для Него миллионы и миллиарды людей — лишь биомасса, обречённая стать лишь дровами дьявольской печи. Я в Него, пожалуй, и верю, но молиться Ему отказываюсь, и билетик торжественно возвращаю».

И уж «сколько их упало в эту бездну, разверстую вдали»! Сколько людей, мыслящих категориями только «да» или только «нет», упало, одни в яму безразличия и прохладности к вере, другие — в страстный пафос богоборчества и безблагодатной «святости», как Лев Толстой или русские революционеры. И ведь когда вопрос задан, а в ответ ожидается только «да» или только «нет», то выпадает человек из памяти о том, что Христос распялся за всех, хотя и не все спасутся. И может показаться человеку,

что он любит людей больше, чем Бог, хотя не распинался он за людей и распинаться не хочет. А если распнётся, то не воскреснет и никого не искупит, потому что это будет лишь смерть грешника за грешников. Но ведь действительно любовь Божию мы познали в смирившемся Благодетеле, родившемся от Девы, распятом на Кресте, воскресшем из мёртвых. Свой труд служения Иисус Христос поднял на избитые, истерзанные плечи не только ради кого-то одного, но ради всех. Неужели кто-то ещё кроме Него может быть достоин в полной мере имени Человеколюбец?

Но мозг болен и сердце чахло, и вопрос всё равно задаётся, и ожидается ответ «да»/«нет». Так в чём же дело? Дело в том, что в земных вопросах можно идти направо или налево, и дилемма «туда или сюда?» соответствует дилемме «да или нет?». А в духовных вопросах кроме координаты «право» и «лево» есть координата «вверх», и земные узлы развязываются благодаря неожиданно разверзнувшемуся Небесам. «В горняя, в горняя», — шептал умирающий Пушкин, то есть «наверх, наверх». «Licht, mehr licht», — говорил умирающий Гёте. Туда, наверх, в Царство света и нам дорога. Там разрешатся наши не разрешимые на земле вопросы. И не просто «там», а «только там». Поэтому — «горé имеим ум и сердца»!

Ответы на нравственные вопросы не вымучиваются математически, за них платят

валютой слёз и крови. И, приобретённые таким образом, эти ответы должны храниться внутри, а не превращаться в предмет праздных споров, потому что они парадоксальны, странны для слуха и для большинства тесных сердец неуместимы. Вот Иов вопил на небо, и Бог с неба ответил ему. Но Иов ответу не обрадовался. Если мы сядем на то Иовлево гноище, или спустимся в Данилов львиный ров, или дадим себя бросить в раскалённую печь, уподобляясь трём отрокам, то именно там мы и получим ответы. На такие вопросы ответы даются именно в львином рву, в горящей печи, на гноище или на кресте. И если это так, подумает человек, то я отказываюсь от вопроса. Это будет правильный ответ. Надо читать Писание сердцем и выпрашивать в подарок корень Премудрости — страх Господень, чтобы не «омрачать Провидение словами без смысла» (Иов 38: 2).

Есть у Доброго Пастыря овцы, «яже не суть от двора сего» (Ин. 10: 16). Уже одно это пусть утешит людей, искренне переживающих о судьбах тех, кто не слышал Евангелие и до сих пор живёт за пределами благовествования. Да и сама история учит нас временами не хуже Писаний. Так, один из спартанских царей был ошибочно принят незнакомым человеком за его личного врага. Незнакомец облил царя помоями на улице. Телохранители обнажили мечи, человек, совершивший глупость, взмолился о пощаде,

а царь узнал причину оскорбления и сказал: «Не троньте его. Он облил не меня, а другого». Представляете, сколько благородства в этом человеке — язычнике, никогда не слыжавшем заповеди о смирении? Представляете, сколько в нём умения обуздывать внезапный гнев, погашать желание справедливой мести? Этот царь будет тоже стоять на Страшном Суде, как и всякая воскресшая плоть. И можно думать, что когда Господь будет судить сребролюбцев, многие христиане пойдут в геенну, а многие язычники найдут милость. Так же будет, когда будут судить трусов, предателей, кровосмесителей, колдунов. Нам нечем гордиться. Совершенно нечем. Наша вера ко многому обязывает, но отнимает всякий повод для гордости. Она питает и живит и утешает, но не прежде, нежели смирит и устрашит. И об этом стоит думать, задавая время от времени великие вопросы.

Наконец, если действительно тревожит верующего человека судьба неверующих людей, то пусть он, верующий, выходит на проповедь и учит языки, и благовествует Евангелие ближним и дальним. А коль не способен к этому — пусть хотя бы смиренно молится.

Жизнь продолжается, и значит, задавать вопросы ещё придётся. Но пусть вопросы эти будут выстраданными и обдумантыми, прошедшими по всем коридорам и закоулкам необъятного сердца, а не просто слета-

ющими с языка, как мыльный пузырь с детской соломинки. В конце концов, сказано: «Твоими устами буду судить тебя, лукавый раб» (Лк. 19: 22). И что мы будем, бедные, делать, если посреди всей паутины мелких целей и праздного любопытства, посреди всех бесполезно сказанных слов вдруг скажет нам Бог то, что сказал однажды: «Препояшь чресла твои, и встань, и скажи им всё, что Я повелю тебе» (Иер. 1: 17)?

ПЕЧАТИ

Мы беседовали как-то с братьями о том о сём, и среди прочего коснулись наркомании. И вот один из собеседников высказал интересную мысль. Предки наши выращивали столетиями и мак, и коноплю. И конопля, и мак на очень многое годились в хозяйстве. Люди прекрасно знали наркотические свойства того и другого растения, но не дерзали воспользоваться ими в целях получения «кайфа» и отдохновения от несносной временами жизни. Правда, было пьянство. Слово Писания о том, что «вино веселит сердце человека» исполняли предки специфично. Ну не растёт у нас виноград. Северные мы. У нас, к сожалению, самогон «веселил» сердце человека или «казёнка» в государевом кабаке. Но никто, заметьте, никто столетиями не дерзал воспользоваться дурманом, растущим под боком, с целью опьянения, словно люди были связаны неким негласным табу.

Сплочённые общности людей способны чутить беду и в целях самосохранения ис-

треблять опасность из среды себя любимыми, даже самыми жестокими, средствами. Если какое-то невиданное доселе зло заводится в среде людей с прочными устоями, то люди изживут или истребят зло вместе с носителями, пока у них сохраняется жизненное чутьё. И вот на каком-то этапе это чутьё пропало, табу перестало действовать, негласный запрет умер. Это не только у нас. Это и у многих других так же. Дело в ином. Вот грех лежал у порога и никто не прикасался к нему. А потом вдруг прикоснулись, и уже вовеки до конца не отмыться. На что это похоже? Думается — на снятие печатей в Откровении. Начиная с 6-й главы в этой книге описывается, как Агнец снимает печати с книги, которую никто в мире не мог ни открыть, ни посмотреть в неё. Каждое снятие очередной печати сопровождается глобальным происшествием одно другого более грозным. И процесс необратим. Печати не водворяются на место, напротив, они снимаются, снимаются, и в соответствии с их снятием скачут грозные всадники на белом, рыжем, вороном и бледном конях; темнеет солнце, свивается небо, сдвигаются горы, и прочее. Вот так и в нравственной жизни, думаю, проходят некие стадии погружения человечества в грех, стадии, при которых назад не вернёшься, и то, что раньше стыдился делать клеймённый каторжник, сегодня, не стыдясь, делает студент ВУЗа, и всем хорошо, а печати снимаются, и мы движемся...

Перейдём на время от наркотика к одежде. Ещё совсем недавно (недавно — в историческом смысле) не то что обычные женщины, а подиумные девицы отказывались выходить на показ в купальниках бикини. Стыдно было и они мотивировали отказ тем, что они «не какие-то там, а девушки порядочные». Но время идёт, у каждого начинания есть свои пионеры и энтузиасты. Лёд таки усилиями энтузиастов тронулся, и кто сегодня дерзнёт сказать, что женщина в купальнике на пляже безнравственна? Но кто дерзнёт до конца утверждать, что нет вообще никакой связи между сбрасыванием стыда и современной привычкой к прилюдному обнажению? Просто в массовом сознании отброшен один из порогов стыдливости и можно двигаться дальше. И дальше будут не «Дети природы» и не благородный Маугли, а свальный грех на нудистском пляже при полном безразличии ко взгляду со стороны.

Господь говорит, что горе миру от соблазнов, и что неумолимо придут эти самые соблазны. Но говорит также, что горе человеку тому, через которого соблазн приходит. Чувствовали эту правду и древние. Вот Троя обречена, но троянский берег заклят так, что умереть должен первый ахеец, ступивший на землю. И корабли стоят у кромки воды — первого нет. Только при помощи особой хитрости Одиссея воины ринулись на берег, и кто-то первый умер, а все остальные

занялись осадой. Таков механизм — нужен первый, который умрёт. Люди всегда могли чувствовать, что беда придёт, но не раньше, чем кто-то дерзнёт открыто делать то, что пока ещё считается запрещённым. Он понесёт на себе большее осуждение, этот сомнительный смельчак, но после него люди бросятся на грех, как пёс на мясо, и скажут, что так и надо.

Так, к примеру, двигалась по миру сексуальная революция. Писатель пишет порнографический роман, но никто из издателей не дерзает его опубликовать. Как, наконец, находится среди издателей авантюрист и смельчак, и роман выходит в свет. Вслед за этим событием уже сотни писателей пишут нечто подобное и сотни издательств включаются в работу по их тиражированию. В кинематографе процессы шли примерно так же. Главное стыд преодолеть и начать. Дальше люди подхватят. И вот человеческая душа, получая привычные дозы информационного наркотика, уже не различает ложь от правды, грани понимания стираются, снимаются и очередные печати.

Это не очень весёлая картина, но она соответствует тому, что говорил святитель Игнатий. Он говорил, что отступление попущено Богом, что не в силах наших остановить его, что нужно изучить дух времени и по возможности устраниться от него. И не будет так, что все грешники покаются, но будет так, что скверные и чистые, праведные и не-

честивые будут находиться рядом. Пропорции будут, скорее всего, в пользу скверных и нечестивых. Об этом тоже говорит Откровение. Там почти в самом конце говорится: «Неправедный пусть ещё делает неправду, нечистый пусть ещё сквернится; праведный да творит правду ещё, и святой да освящается ещё. Се грядущее скоро, и возмездие Моё со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» (Откр. 22:11-12).

В этих словах и угроза, и заповедь, и утешение.

ПОЩЁЧИНА ИОАННУ КРОНШТАДТСКОМУ

В те годы, когда протоиерей Иоанн Ильич Сергиев был уже всенародно известен, а в кронштадтский Андреевский собор к нему на литургию ежедневно уже съезжались тысячи людей со всей России, произошёл один вопиющий случай. Во время службы на амвон поднялся некий студент и прикурил (sic!) от лампы на иконостасе. Отец Иоанн в это время уже вышел с чашей для причащения. Он в недоумении посмотрел на молодого человека и с гневом спросил: «Что ты делаешь?». В ответ молодой человек не покраснел, не застыдился и не вышел поспешно из храма. Он подошёл к отцу Иоанну и резко, наотмашь ударил его по лицу рукой. От удара отец Иоанн сильно качнулся. Евхаристические Дары расплескались из чаши на пол, и потом пришлось

вынимать несколько плит из амвона, чтобы утопить их в Балтийском море. До революции оставалось совсем недолго.

* * *

Студент тогда, к сожалению, ушёл из храма на своих ногах и не был разодран на части возмущёнными людьми, собравшимися для молитвы, чего он был, несомненно, достоин. Говорю это с полной ответственностью за каждое слово, ничуть не сгущая красок: если бы народ действовал в подобных случаях более жёстко и адекватно, наглость шакалов уменьшалась бы на глазах. Говорю это также и с точки зрения последующей истории, которая для нас уже является прошедшей, а тогда лишь предчувствовалась и неясно различалась. Недалеко были уже времена неслыханного поругания веры, но прежде, нежели душить попов епитрахилью или «причащать» раскалённым оловом, нужно было кому-то начать с дерзкого глумления над Церковью, таинствами и служителями.

Древний Змей выползал из-под земли, и его отравленное дыхание рисовало многим миражи близкого всемирного счастья. Во имя будущего нужно было прощаться с прошлым. Кощунство — одна из форм подобного прощания. Достоевский в «Дневнике писателя» описывает случай, когда простой мужик на спор вынес за щекой из храма Причастие, чтобы выстрелить в Святые Дары из ружья (!). Было дело, Есенин выплюнул (!) Святое Причастие, в чём бахва-

лился перед Блоком. Вроде бы в том же замечен был в гимназические годы будущий любимец Ленина — Бухарин. Многие, имже несть числа, срывали затем с себя нательные кресты с радостью, и если бы можно было, то согласились бы смыть с себя и крещение какой-нибудь жертвенной кровью, как это хотел сделать Юлиан Отступник. Нужно понять, что в канун революции большие массы народа натуральным образом бесновались, дав место в своём сердце врагу. И у одних это беснование было облачено в гражданский пафос, а у других — в оправдательные речи для этого пафоса. Дьявол был закономерно неблагодарен со временем и к тем, и к другим, поздрав с костями и строителей «нового мира», и разрушителей «старого», и любителей придумывать одобрительные аргументы для тех и других.

Но кем был в своих собственных глазах упомянутый студент? Хулиганом? Кошунником? Нет, что вы! В своих глазах он был героем и выразителем социального протеста. Какие-то поверхностные брошюры помогли ему сформировать жалкое мировоззрение. «Вы мне ответите за инквизицию, за Джордано Бруно и за гибель цивилизации ацтеков», — возможно, бормотал он, вынашивая планы как отомстить Церкви. Должен же что-то гневное бормотать про себя глупый человек в свои прыщавые годы, когда бес уже вселился в него и тащит на свои дела. Ведь и сегодня, в пе-

риод всеобщей грамотности, люди бормочут подобную ахинею.

Студент, вероятно, крепко веровал, но не в Воскресение Христово, а в торжество прогресса и в гуманизм. Ради одной веры он оскорблял другую, всюду заметную, но сердцем не усвоенную. Он оскорблял эту веру, стремясь приблизить её конец.

Тогда он ушёл из храма на своих ногах, и что было с ним после, мы доподлинно не знаем. Но мы хорошо знаем, что было в общих чертах с этими многочисленными «бледными юношами со взором горящим». Тот, кто вошёл в храм с целью ударить священника, вряд ли проживёт затем всю жизнь в «благочестии и чистоте». Его неизбежно окрылит сошедшая с рук безбожная выходка, и в глазах многих он станет смельчаком, презирающим ветхие устои. Что запретит ему бросать бомбы в жандармов, или строчить антиправительственные листовки по ночам, или точить топор, как новый Раскольников? Что запретит ему окунуться в вихрь борьбы с самодержавием, ища то ли счастья для миллионов, то ли большей, хотя и минутной, славы себе? И если он дожил до Февраля, то со слезами радости и с визгом, свойственным всем взвинченным натурам, он приветствовал отречение императора. Потом был Октябрь, и если он не был среди большевиков Троцкого-Ленина, то мог оказаться среди тоже радикальных и любивших пострелять эсеров.

Кто убил его, оставшегося в живых тогда, в Андреевском соборе? Ведь наверняка кто-то убил его в том сумасшедшем XX столетии, когда самые невинные люди редко достаивались смерти в собственной постели? Да кто угодно. Пуля белых в гражданскую. Пуля красного палача в застенках «красного террора». Та же пуля того же палача, только позже, когда «социализм уже был построен». А может — голод и цинга на стройке века или нож уркагана — на той же стройке. А может, он сам залез в петлю, видя, как не похоже то, за что он боролся, на то, что подобные ему бесноватые люди (не без его участия) построили. В этом случае он сэкономил для Родины пулю, хотя никто за это спасибо ему не сказал.

* * *

Но перенесёмся на время опять в Андреевский собор Кронштадта. Ещё не было бунта на Императорском флоте. Ещё не было мятежа, для подавления которого Тухачевский сотоварищи побегут по льду в атаку при поддержке артиллерии. Гумилёв ещё не расстрелян. Ещё на троне — последние Романовы, а в храме чудотворно служит Всероссийский пастырь Иоанн Ильич Сергиев. Вот какой-то мерзавец поднимается на амвон и прикуривает от лампы над местной иконой папиросу...

Завтра почтеннейшая публика, хихикая, прочтёт об этом событии заметку в свежих номерах либеральной прессы.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Люди уезжают и возвращаются. Самолёты в аэропортах, как мухи в летний день над разрезанной дыней, взлетают, снижаются, выкруливают на взлёт, набирают высоту. Чемоданы и сумки набиты подарками и сувенирами. Карточки цифровых фотоаппаратов хранят вырванные из жизни кадры воспоминаний. Человечество кочует в поисках работы, безопасности, свежих впечатлений. Человек ищет себя и ныряет в воздух чужих стран за новыми ощущениями.

Если человека никакая беда не гонит из дома, то в путешествии он, с одной стороны, бежит от себя, а с другой — ищет себя. В любом случае, как говорил Честертон, путешествие отточит ваш ум — если, конечно, ум у вас есть.

Неуместен вопрос «где был?». В этом вопросе скрыта зависть спрашивающих и гордость отвечающих. В этом вопросе есть обоюдная жадность до впечатлений и ново-

стей, географическое гурманство. С этим вопросом связана пошлость фотографических альбомов и магнетики на холодильнике. Думаю, что гораздо важнее вопрос «что понял?».

Воздушные ворота Стамбула соседствуют с морскими. На подлёте к городу корабли на море попадаются всё чаще и чаще — тральщики, танкеры, шхуны — чтобы затем превратиться в сплошной ковёр, и люди, приникшие к иллюминаторам и глядящие сверху вниз, уже вкушают своё первое бесплатное зрелище.

Очереди к таможенным окошкам огромны. Всюду видны группы паломников из ближних мусульманских стран. Непонятно, куда или откуда они едут: в хадж — или же возвращаются из хаджа? Много славянских лиц, много бедно одетых, некоторые женщины закутаны до глаз.

Долгие столетия турецкий султан являлся главой мусульманской уммы, зримым центром исламского мира. В эти столетия люди, отправлявшиеся в хадж, вначале прибывали в Стамбул и уже оттуда, от Голубой мечети, шли и ехали дальше, в Аравию.

Кстати, и то, что турки силой взяли у арабов первенство в мире ислама, и то, что мусульмане захватили Константинополь, является признаками приближения Судного дня. Так что мы прибыли в ту точку мира, где сбываются пророчества, в тот смысловой узел, в который завязано многое.

Куда едут эти азербайджанцы, узбеки, казахи? Их много, и они ведут себя свободно, как дома. Не таковы европейцы. Европейцы — в чужой тарелке, они сдержанны и немного напряжены.

Остро чувствуешь, что у белого человека нет больше общей для всех этической нормы и религиозной практики. «Права человека», «свобода, равенство и братство» кажутся чем-то жидким и бессильным на фоне чужой и мощной традиции. У этих — вера и мировоззрение, а у европейцев — пресная болтовня. Дома, под защитой армии и полиции, она худо-бедно работает, а здесь европеец похож на голого человека, стоящего в толпе одетых.

Такси, отель, первые глотки чужого воздуха. Всё это везде почти одинаково. Переодеваемся и идём на поиски Софии. Она недалеко, километрах в двух-трёх. Если позади — море, а впереди — центр, то улицы задраны вверх, как киевская Шелковичная. Вечный вопрос: как они здесь ездят?

Пять минут подъёма — и ты дышишь так шумно, словно бежал кросс. Справа и слева магазины, а над ними мастерские. Как и положено, мастера занимают целые улицы: улица кожевников, улица ткачей, улица сапожников.

Нельзя размениваться на мелочи. Апостолам, идущим проповедовать, сказано: «Никогоже на пути целуйте», то есть ни на что не отвлекайтесь. Делайте главное. Наше главное — Дом Премудрости Божией.

Там собирались Соборы и проповедовали Патриархи.

Там купол подпирают мраморные столбы, принесённые, как поёт молва и как подхватывает её мелодию Мандельштам, из храма Артемиды Эфесской и из Баальбека.

И всем векам — пример Юстиниана,

Когда похитить для чужих богов

Позволила Эфесская Диана

Сто семь зелёных мраморных столбов.

Там русские купцы забыли, где они, на небе или на земле, когда ради них была отслужена Литургия, и, вернувшись, они сказали князю, что лучше греков никто не молится Богу.

Там — «наше всё», там наша Мать, родившая в Киеве и Новгороде иных Софий, по образу и подобию первой.

Вот Она!

Дух перехватывает и уже не отпускает. Здесь в моей голове, как из кубиков, складывается фраза, которая будет звучать во мне во все дни пребывания в Городе и много позже: «Город вселенской катастрофы». Мы находимся в Городе вселенской катастрофы.

Немцы, японцы, американцы, да и наши папуасы ходят по лучшему храму мира, не снимая шапок. Турецкая охрана холодна и отстранённа. Она не говорит ни на одном языке, кроме турецкого. Она здесь просто ходит и наблюдает за порядком, так же, как ходят с автоматами по Храму Воскресения в дни Пасхи израильские военные.

В алтаре на плитах сидит кошка.

Остатки мозаик по объёму ничтожны, но по красоте восхитительны. Скорбен Христос, величественна Богоматерь, смиренны василевсы, держащие на руках символы воздвигнутых ими храмов. Восхитительны и Херувимы в парусах, из которых только у одного открыто лицо. Мандельштаму, видимо, была видна другая картина:

*Прекрасен храм, купающийся в мире
И сорок окон — света торжество
На парусах, под куполом, четыре
Архангела прекраснее всего.*

Круглые щиты с арабской вязью в этом месте оскорбляют зрение.

Читаем тихо Символ веры и молитву Господню, сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Щёки горят, словно тебе надавали пощёчин.

Тебе их, по сути, и надавали. Ты стоишь внутри той реальности, что чем-то похожа на советский мир, где храмы переделаны в клубы и планетарии. Ты стоишь в Софии и говоришь: «Давай помолимся», и это звучит, как у Вампилова в «Утиной охоте»: «Давай обвенчаемся в планетарии».

Итак, тебе надавали пощёчин. Тебе и всем последователям Иисуса. Тебе ещё надавали пинков, и тебя поставили на колени, тебе рассмеялись в лицо, и на гортанном языке, сверху вниз, сказали, что, дескать, «Магомет — печать пророков, и наша вера лучше вашей».

Я проглотил нашу общую обиду, но я её не забуду, и ещё — я не согласен!

Так евреи уходили в Вавилонский плен, но отказывались верить, что Мардук сильнее Яхве.

Если сейчас уйти из осквернённого Храма и направиться в аэропорт, в этот «хаволи-мани имени Ататюрка», в месиво улетающих и прилетающих людей, — ты уже ничего не потеряешь. Ты уже понял и почувствовал, что значит веками мечтать о появлении святого креста над Софией, что значит не смириться до конца и читать христианские молитвы там, где когда-то служилась Литургия. Ты уже втянул носом горький запах совершившейся здесь непостижимой беды. Не-по-сти-жи-мой бе-ды!

Всё остальное будет лишь усиливать первое впечатление — и укреплять его.

Я уже давно не бреюсь. А если бы брился, то разговаривал бы по утрам у зеркала со своим отражением.

— Ну, что ты понял?

— Я ещё ничего не понял.

Пенка выдавлена на помазок, и рука привычно намыливает лицо.

— Чаек слышал?

— Чаек? Да. Они велики, как курицы, а их крики — это музыка побережья.

— А муэдзинов?

— Слышал. Они плачут и стонут по всем углам каждые три часа, словно извиняются за то, что хозяйничают в этом городе. Это го-

род Богородицы и Златоуста. Знаешь, представляю, как страшен был тот день, когда все колокола замолкли, а со всех концов города раздались стоны на арабском языке. Мне больно думать об этом.

Станок убирает пену, как будто счищает снег, и там, где прошёл, оставляет кожу гладкой и свежей.

— Муэдзины, увы, ни перед кем не извиняются.

— Я знаю. Но не чайки и не молитвенные зазывалы меня поразили, а другие звуки.

— Какие?

— Стон камней.

— Стон камней?

— Стон камней, из которых сложены церкви. Стон древнейших церквей, в которых столетиями не служитя Литургия. За сотни лет до Крещения Руси они уже стояли, и в них читалось Евангелие. Теперь они плачут, как женщины, у которых забрали детей. А те камни, которые молчат, просто устали стонать и умолкли от отчаяния.

Узнать город — это значит в нём заблудиться. Заблудиться и найти дорогу к отелю самостоятельно, натрудив ноги и насытив зрение. Никаких гидов! Никаких протоптанных маршрутов! Только личные открытия имеют цену, как тот храм, который мы нашли поздно вечером, бродя по «городу контрастов». Это был некогда храм, а ныне — действующая мечеть, «Кучук София».

«Кучук» значит «маленькая». Почти так же это слово звучит и по-персидски. Кстати аэропорт — «хаволимани» — состоит из персидского слова «воздух» — «хаво», и греческого «порт» — «лимани». А как иначе, если город расположен одновременно и в Европе, и в Азии?

Табличка на Кучук Софии гласит, что это бывший храм мучеников Сергия и Вакха (на латинице звучит дико — «Сергиус и Бахус»), что он в точности повторяет пропорции Великой Церкви. Храм шестого века. Теперь над ним с минарета стонет муэдзин или, что ещё хуже, поёт магнитофонная запись.

Златоуст сказал, что худшее из гонений — это отсутствие гонений. Оно расслабляет, оно входит во чрево, как запрещённое лакомство. Знал ли ты, златословесный, что паства твоя и город кафедры твоей будут гонимы и унижены, как никто более?

Перед смертью ты говорил «слава Богу за всё», и это слова вечной правды. Мы повторяем их часто. Повторяем и здесь, в твоём городе. Впитывая кожей его многовековое унижение.

Может быть, христиане не умеют жить, — думаю я, — и чтобы не перестать быть христианами, им нужно не жить, а выживать?

Не вменяется ли нам в обязанность терпеть гонения и быть в притеснении, чтобы оставаться самими собой?

Номер уютен, но тесен, как всё в Стамбуле. Дома узки и высоки. Квартиры, судя по окнам, тесны, как кельи. Таков же и наш номер. Комфортен, но узок, как мягкий вагон скорого поезда. Телевизор показывает волны арабских революций, разноголосую трескотню западных каналов, всё о кризисе да о кризисе. Ноги гудят и глаза слипаются. Незаметно проваливаемся в сон. Последнее, что я слышу, это надрывный плач женщины за окном и её же пьяный лепет на русском языке. Мужской голос на ломаном русском что-то ей втолковывает и куда-то зовёт. Наш общий позор продолжается.

Мы просыпаемся рано. Звуки с минаретов не виноваты и шум на улице — тоже. Просто мы выспались, и хочется выйти пораньше в город.

В груди — осадок вчерашних впечатлений. Что ещё покажет нам сегодня город Константина?

Для греков его падение должно было стать синонимом Страшного Суда и кончины мира. Так оно, видимо, и было.

Так, очевидно, Господь, сокрушая земное торжество Церкви и Царства Своих помазанников, готовит всех нас к мыслям о неизбежной кончине мира. Ведь она будет, кончина мира, будет. «Земля и все дела на ней сгорят». «Камня на камне не останется» на тех местах, где прежде была слава и честь. Значит, за всё — слава Богу. Значит, история — это школа воспитания народов, великая школа смирения.

Подобным образом был разрушен и сметён варварами Первый Рим, и Августин блаженный на его обломках писал книгу о Граде Божием и граде земном.

Так полумесяц водворился на место срезанных Крестов, и гордые ромеи превратились в хитрых бродяг и попрошайек.

Так большевик, сей внутренний враг, сломал под корень древо Русского Царства и зажёг в небесах перевёрнутую звезду.

Турецкий флаг красен, как кровь, и на нём ужились вместе и звезда, и полумесяц. Помесь коммунизма и ислама. Не хватает только символа готов и вандалов, похоронивших Первый Рим. Но у них и не было никакого символа...

Византийцы должны были сильно нагрешить. Позору по необходимости предшествует гордость, а большому позору — большая гордость. Там, где греки сохраняют церковное первенство, на них сильно нарекают. Хитры, дескать, горды, желают властвовать, сверху вниз смотрят на представителей других народов. Охотно верю, и кое-что лично знаю.

Помню, каким шоком для меня было открытие так называемого «крипто-христианства». Этим словом обозначается формальное принятие ислама ради того, чтобы избежать гонений или сделать карьеру. Ничтожное количество греков охотно приняло ислам. Очень небольшое количество решилось на муки. А подавляющее большинство согла-

силось произнести исламскую формулу принятия веры и обрезать. Христианство эти греки исповедовали тайно. Есть что-то отвратительное в подобном массовом поведении. Это не сдача под пытками, не слом после перенесённых страданий, а осознанное желание усидеть на двух стульях. Нельзя судить и быть излишне категоричным, но быть таким христианином — ой, как не хотелось бы.

Бывшие христиане, или «тайные христиане», составляли львиную долю османской администрации, были министрами, инженерами, флотоводцами. Из тех бесчисленных мечетей, так похожих на Софию, которые видишь повсюду в Стамбуле, многие построены архитекторами-греками. Подумать есть над чем.

Не так ли наши архитекторы, подобно Щусеву, до революции строили храмы «под старину» (Троицкий собор в Почаеве), а после революции — мавзолеи?

Я давно не бреюсь. Очень давно. Чего не скажешь о мужчинах в исламских странах. Бородатых мало, но много усатых. И парикмахерские — на каждом шагу. Работая в них, не разбогатеешь, но и вряд ли умрёшь от голода. Молодёжь хорошо стрижена и напомажена. То там, то здесь видишь мужчин, сидящих в креслах, намыленных, над которыми с опасной бритвой, правленной на ремне, колдует парикмахер. «Это их каприз, — думаю я. — Это то безгрешное удовольствие, которое они себе могут позволить».

Многолюдство местного населения — это, почти сплошь, мужское многолюдство.

Если женщин не видно, это не значит, что их непременно унижают. Вполне возможно, что их не видно оттого, что их берегут и уважают. Если же они повсюду (как у нас), то это в последнюю очередь означает «равенство прав» и «свободу самореализации». В первую очередь это означает брошенность, ненужность и, как следствие, борьбу за выживание.

Ислам может гордиться множеством мужчин, собранных вместе и единомышленных. Христианство же традиционно хвалилось благочестивой женщиной. Горе нам! Нам всё меньше есть чем хвалиться. На память приходит та пьяненькая «наташка», которую под нашими окнами ночью вёл из бара куда-то местный Мустафа или Ибрагим.

Господи, помилуй.

Если у портье в киевской гостинице спросить, где синагога Бродского или соборная мечеть, он должен достать карту, указать искомое и сказать, как добраться. Во что верит сам портье, в данном случае не важно. Таковы правила поведения гостиничного персонала в светском государстве. Турция — тоже светское государство, но юноша на ресепшене нашего отеля меня неприятно удивил.

- Где Греческая Патриархия?
- Не знаю.
- Где район Фенер?

— Не знаю.

— Где монастыри Хора и Пантократор?

— Там нет ничего интересного. Я туда не хожу. Идите в такую-то мечеть или такую-то. Там очень красиво.

— Я сам знаю, куда идти. Вы скажите, где то-то и то-то.

— Не знаю.

Они, быть может, генетически чувствуют себя до сих пор чужими в этом роскошном городе, где камни продолжают молиться по-гречески и не хотят отзываться на арабский стон. Они неосознанно злятся на нас, потому что мы здесь — духовные хозяева. Мы, приехавшие сюда на пару дней, более родные для этих зданий, чем они, родившиеся здесь и имеющие здесь умереть.

Люди всегда знают больше, чем понимают. Вот и турки знают, что они исторически неправы, и поэтому не любят нас, христиан.

Я погружаюсь в сферу догадок. Любой человек, который пишет о том, что думает, — рассказчик собственных догадок. Так вот, мне кажется, что некоторые жители турецкой столицы видят в христианах законных хозяев этого города, или — дальних потомков прежних законных хозяев. Оттого они могут быть угрюмы и несловоохотливы.

Турки, как всякий народ, принимающий толпы туристов, любезны с безбожниками, оптовыми и розничными покупателями, космополитами, искателями удовольствий. Им турки улыбаются. Им улыбаются все,

кто ждёт чаевых. Турки наверняка презирают этот элемент, ибо есть за что презирать, но улыбаются. Ото всех, кто не молится Христу, турок ждёт денег и не ждёт опасности. Но перекрестись при нем, покажи ему, что этот город для тебя — не Стамбул, а Константинополь, и не исключено, что тебя уколёт взгляд, похожий на взгляд Мустафы Кемала Ататюрка, глядящего с бесчисленных портретов. Не хотел бы я встретить человека с такими глазами в пустынном переулке.

Ататюрк не любил ислам. Как и Пётр Первый, он большего всего любил Запад, а все своё, в лучшем случае, терпел. Они похожи, эти великие реформаторы-западники. Для исламистов фигура Мустафы должна быть аналогом того, чем является Пётр для русских «почвенников» и старообрядцев.

Есть, как негде говорил апостол Павел, «верный слух» (1 Кор. 5:1), что Ататюрк вынашивал планы примирения с православными греками, в случае трансформации последних. От греков требовалось отказаться от вселенских претензий и согласиться считать Турцию своей гражданской родиной, стать чем-то вроде Турецкой Поместной Церкви. Для этого Мустафа Кемаль готов был решительно завести свой народ в новую веру, как Алексей Михалыч свой народ — в новый обряд.

Греки не захотели. Греки пожелали остаться в плену сладкой грёзы о Византии.

Они пожертвовали настоящим ради прошлого. Они были не готовы даже думать в эту сторону.

Так, в очередной раз, жизнь превзошла все мыслимые ожидания, а люди оказались не готовы к историческому повороту.

Преступно не знать историю, но и пребывать в плену у идеальной картинки прошлого не менее преступно.

Преступно угасить в себе способность видеть историческую перспективу и жить с головой, обёрнутой назад. Если любовь к прошлому парализует тебя в настоящем — это ложная любовь.

Заблудившись в городе, всегда найдёшь нечто интересное. Но заблудиться и выйти на Влахерну — это выше всех ожиданий!

О, Панагия! Взгляни на нас, детей Твоих, так случайно и не случайно пришедших к Твоему храму.

Силы небесные! Дайте мне понять, где я, но не дайте сойти с ума. Здесь святой Андрей видел Богородицу «на воздухе, за ны Христу молящуюся». Здесь патриаршими руками в воды залива погружалась риза Богоматери, и поднявшаяся буря разносила в щепки корабли язычников-русичей. Здесь издревле течёт источник, ради чудотворности которого мы служим водосвятие каждую Светлую Пятницу.

Что нам делать, плакать или плясать? Хочется плясать, но хочется вместе и плакать. Там, где был великий храм, стоит малая

церковка. Там, где было множество народа, нет почти никого. «Город вселенской катастрофы», — в который раз говорю я про себя, и впервые произношу то, что сильно почувствовал. «А мы — Третий Рим».

Мы, русичи, славяне, и грешны, и ленивы, и необразованны. Поздние роды, мы позже многих пришли ко Христу, и пришли сразу, махом, по воле державного мужа. Тайного, подспудного распространения гонимой веры, которое в Римской империи длилось столетиями, закаляя и ограничивая христианский характер, у нас не было. У нас, честно говоря, не было ничего, чтобы воспринять веру глубоко, однако мы её восприняли.

Хвалиться — глупое дело, и о наших грехах я могу говорить часами, потому, что ношу их в себе. Но мы любим Бога, любим. И мы всё ещё многочисленны. «В России, — говорил преподобный Серафим, — Православие хранится по преимуществу с другими народами, и сильнее, чем где-то, сохраняются остатки христианского благочестия».

То-то и оно. Мы преимущественно храним Православие в современном мире, а благочестие наше состоит из остатков. Двенадцать коробов с объедками после чудесной трапезы! И этих остатков больше, чем в других местах, отмеченных призыванием имени Господня. Я это чувствую. Или, может, выдаю желаемое за действительное?

Я — гражданин Третьего Рима. Униженный его гражданин. Не знаю, будет ли Рим

Четвёртый? На горизонте пока не видно. Но то, что Москва — Рим Третий, это — факт.

И не надо стесняться веры. Не надо бормотать, шептать и брюзжать на наших попов. У этого, дескать, живот велик, а у того нос синий, а тот в дорогой машине ездит. Не надо брюзжать: «Наши, мол, попы...».

Надо говорить смело: «Это наши попы!» — и не давать их в обиду. Иначе придёт кто-то, и свернёт тебя в трубочку или букву «зю», и заставит молиться на незнакомом языке. А на «новых священнослужителей» ты уже рта не раскроешь. Не раскроешь, голубчик. Это я тебе обещаю и почти пророчествую.

Прочитав по памяти несколько кондаков и икосов Акафиста, выходим из храма Влахерны. Таясь, смотрю на жену. У неё глаза тоже красные от слёз. Оба крепимся, чтобы не разрыдаться.

— Это наш Город, — говорит она. В голосе её смешаны обида и недоумение.

— Наш, — отвечаю я. — Это Город великой катастрофы. А мы — граждане Третьего Рима.

— Да, — говорит она, и мы встречаемся друг с другом взглядами покрасневших, готовых расплакаться глаз.

От Влахерны до монастыря Святого Георгия, где расположена Вселенская (какой сарказм!) Патриархия, ходьбы — минут двадцать. По дороге минуем Болгарскую церковь, в которой вовсю идет ремонт. По стилю она больше похожа на католический храм. Напротив, через дорогу — церковный дом,

или «метох», разрушенный и заброшенный до невероятия.

Я служил в храме Георгия двенадцать лет. Тропарь, кондак и стихиру на литии ему я знаю наизусть. Иду и молюсь великомученику, чтобы привёл нас в храм свой.

Он привёл.

По сравнению с Кафедральным собором — Софией — монастырь Георгия подобен липуту рядом с Гулливером.

Местные греки неласковы. Говорят только по-гречески. На английскую или иную речь не отзываются. Вид у них обиженный и раздражённый, словно это мы только что открыли Мехмеду Завоевателю ворота в город. Но мы понимаем их, и на их месте мы вряд ли вели бы себя иначе.

Зато храм окутывает, обволакивает, обнимает и шепчет на ухо: «Ты дома».

Слева от центрального прохода — мощи Златоуста и Григория Богослова. На раках написано по-латински, что это дар Иоанна Павла Второго Варфоломею Первому.

«О, Хризостом! От тебя остались только святые косточки, но ты воскреснешь во славе в Последний день. Посмотри, от Города твоего остались только косточки, только мощи. Но не до конца замерла в нём молитва. И мы, новые люди, люди Нового Рима, стоим перед твоими костями на коленях, сердца наши выпрыгивают из груди. Помолись о нас и обо всём мире там, где Христос во славе и ты — возле Него».

Остаться бы здесь. Остаться бы...

Идём вдоль храма, и справа от алтаря находим ряд святых гробов. Первый из них — гроб с телом мученицы Евфимии Всехваль-ной, ею же Православие утвердился. Далее ещё гробы с мощами, одни из которых — Со-ломии Мироносицы.

А в это время на улице шумит турец-кий город, и турки, турки, а не христи-ане, продают иконы святых угодников при входе в Патриархию, и муэдзины сто-нут каждые три часа, словно извиняются за то, что они хозяйничают в этом Городе. Но они не извиняются. Они ни перед кем не извиняются.

Я знаю, знаю.

Евфимие, моли Христа о нас.

Георгие, защищай нас.

Златоусте, не забывай нас.

Опять, как вчера, после посещения Софии, чувство такое, что можно ехать в аэропорт, потому что ты сыт по горло, и трудно пред-ставить, что можно увидеть и почувствовать что-то ещё. А ведь можно. В любой полный стакан можно капнуть ещё хотя бы одну ка-плю. Или — не одну.

Например, бомжи. Их полно в Констан-тинополе. Они прячутся в нишах обрушен-ных городских стен, ночуют под храмами. Они черны, страшны, они мочатся прямо на улице, и в своей ненужности ужасны. А ведь ислам предлагает себя миру как ле-карство, как религию справедливости.

Справедливостью пытается хвалиться ислам.

«Когда угасает любовь, люди ищут справедливости», — говорил Николай Сербский. Это правда.

Когда религия любви пренебрегается, а религиозность до конца ещё не исчезла, тогда естественно ждать массовых обращений в религию строгости и справедливости.

Константинополь, очевидно, был съеден не только исламом снаружи, но и своими болезнями изнутри. Прошлое этого Города имеет прямое отношение к будущему Европы.

У будущего ислама будут не только восточные, но и европейские черты лица.

Впрочем, эта угроза придёт не от Турции. Турция — действительно светское государство, и по мосту через Босфор из Европы в Азию и обратно движутся товары, идеи, люди, социальные язвы, технические достижения.

Самое светское из исламских государств болеет всеми болезнями умирающей Европы. Нищий смердит, и никто не двинет пальцем, чтобы помочь ему.

И рекламные проспекты на английском и французском языках, те, что лежат в холле гостиницы, рассказывают, где найти ночной клуб для геев или лесбиянок, по какому телефону вызывают девочек. Судя по количеству объявлений, камнями грешников здесь не бьют. Камни берегут для других целей.

Последний большой погром в Стамбуле был в 1955-м году. Тогда были убиты полтора десятка греков, из которых два человека — священники. Были разбиты витрины магазинов и разграблен товар, были сожжены машины, были изнасилованы женщины. Этот погром выдавил из Города последние остатки законных горожан. Остались только добровольные мученики или случайным ветром занесённые опавшие листья.

Самое вкусное в Стамбуле — это чай и свежавыжатый гранатовый сок.

Почему так вкусен сок — понятно. Гранаты крупны, плотно наполнены рубиновыми ягодами. Смотреть на разрезанный плод — уже удовольствие. Армяне, которых так не любят турки, считают гранат символом Церкви. Много-много ягодок, как живности в Ковчеге, под одной кожурой. У Бори Егiazаряна куча картин с гранатами. Но почему так восхитителен чай? Неужели еврейский рецепт — «не жалейте заварки»? Должны быть ещё секреты: особое заваривание, особая посуда, может быть, особая вода...

Сидишь в кафе, пьёшь и думаешь, глядя на улицу.

Всё-таки с минаретов поют магнитофоны. Повсюду эти остроконечные башни, похожие на ракеты класса «земля-воздух» (И. Бродский), увешаны репродукторами. Не видно, чтобы кто-то взбирался на них, не видно, чтобы кто-то стоял на них в час молитвы. Скорее всего, призыв к «салату» совершается

нажатием кнопки. Поэтому никто и не расстилает ковриков на тротуарах, никто не отрывается от торговли или иных дел ради молитвы. Муэдзины кричат, а местный люд, как будто это не им кричат, спешит по своим делам, не меняя выражения лиц.

В воскресенье священник обязан служить Литургию. Это — блаженный груз и священная привилегия. Но я не буду служить в это воскресенье, потому что это — день отъезда. Я не люблю дни отъезда, когда чемоданы уже собраны, а психологически ты ещё не дома, но уже и не там, куда приехал. В день отъезда ты воистину убиваешь время до самолёта.

Мы отыскали на карте Стамбула место, где много крестиков, то есть церквей, и пошли в этом направлении.

Первый храм, куда мы пришли, поверг нас в шок. Это было здание Армянской церкви, построенное веке в XVIII–XIX-м, но ныне занимаемое какими-то армянскими протестантами (я и не знал, что такие есть). Женщина в фиолетовой накидке а-ля судейская мантия (протестантское облачение) суетилась возле сцены. Кто-то настраивал музыкальную аппаратуру. Посреди места, где раньше был алтарь, стояла трибуна, как в клубе или на партсобрании. Мы спешно удалились, недоумевая. На память я взял Евангелие на турецком языке.

Второй храм был недалеко от первого. Это был тоже армянский храм, но уже Ар-

мянской Апостольской Церкви. Здесь мы задержались.

Обряд представляет собою смесь коптской Литургии и следов западных влияний. Западное облачение у епископа, орган, белые парафиновые свечи на алтаре. Но сама служба — восточная, древняя. Жаль только, что мы не знаем языка. Искренне недоумеваю, почему Оден советовал Бродскому ходить на службу в тот храм, где служат на непонятном языке. Кажется, именно армянский храм в Нью-Йорке он и советовал.

Прихожан немало, но ни у кого нет огня в глазах. Раскланиваются знакомым, вяло крестятся, как парализованные, занимают места на лавках и не видно, что молятся. Национальный клуб, но не дом молитвы. Так мне и сказал юноша-армянин, проводивший в мою квартиру интернет: «Я уважаю свою Церковь, потому что она спасла мой народ. Но сам я — человек не религиозный».

Вот так везде: Церковь за что-то уважают, но сами остаются без огня и без молитвы. Грустно. Уходим.

Без службы мы в этот день не остались. Греческий храм во имя святой Кириакии открыл нам свои двери. Стена вокруг храма — метра три высотой, утыкана битым стеклом. Вопрос «почему?» не возникает.

На службе — пять человек, хотя храм вместил бы и двести. Один священник в алтаре, один псаломщик на клиросе. На Великом

входе священник по-древнему обходит весь храм, и две пожилые женщины трогают вначале его ризы, потом проводят ладонями по лицу. Благословляются.

Молиться очень хорошо, сладко. Сладко понимать греческую службу, накладывая на неё, как кальку, славянские слова. Но до чего же горько чувствовать себя в гетто! Слово найдено. Греческая Литургия в Стамбуле — это Литургия в гетто.

Когда мы уходили, женщина, говорившая по-русски, родом, как оказалось, из Грузии, пригласила нас остаться на чай. И мы обнялись, как родные, как будто об одном и том же думали, но не смогли остаться. Аэропорт Ататюрка. Билет домой. В Киев.

Все мы, русскоговорящие православные христиане, здесь, в Стамбуле, и грузины, и украинцы, и молдаване — русские. Мы граждане Третьего Рима, и это — наше тайное знание.

В аэропорту масса народа. Жуткая масса.

Почему-то думается о Страшном Суде, когда вот так же огромные массы людей потекут на встречу с Христом с глазу на глаз. Многие будут мрачны, как ночь. Многие опустят глаза. Многие попробуют молиться, и уже не смогут. «Где обрящуся аз?».

Идёшь на паспортный контроль и думаешь о Последнем Дне. «Никого не осуждать! Решительно никого не считать худшим себя! Молиться: “помилуй меня”».

Киев принял нас так, словно и не отпускал. Только имя Константинополь, произносимое очень часто, вдруг приобрело вес и объём. Оно стало тяжёлым, это слово.

Одна из знакомых встрепенулась в разговоре:

— Вы были в Стамбуле?! О, это мой любимый город! Там такая неподражаемая аура!

Мы молча переглянулись с женой и невольно подняли брови.

Любимый город, говорите? Неподражаемая аура? Не знаю, не знаю, где были вы, и где были мы. Может, это разные города, находящиеся в разных частях света, наподобие Одесс и Петербургов, разбросанных по Соединённым Штатам. Лично мы были в Городе вселенской катастрофы, и были там, как оказалось, для того, чтобы ощутить себя гражданами Третьего Рима.

Мы не ставили себе такую цель. Не мы — её, а цель нашла нас. Она нас нашла и изменила. По крайней мере, теперь, когда я поминую Златоуста или царя Юстиниана (недавно была его и Феодоры память), я ощущаю кожей причастность к этим людям.

И ещё. Москва не строилась в один день, и Константинополь в один день не падал. Падение совершается не приметно, так, как работает челюстями жук-древоточец внутри царского трона. И лишь потом, в один из дней, когда снаружи всё кажется прочным, царь садится на трон, а тот разваливается под ним на куски.

И последнее. Как гражданину Третьего Рима, очень-очень, даже до смерти не хочется, чтобы в наших храмах было так же мало по воскресеньям людей, как мало их было в день нашего отлёта в стамбульском храме мученицы Кириакии.

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

Когда смотришь в пятый, шестой раз знакомый фильм, то замечаешь самые тонкие повороты сюжета, не уловимые при первом просмотре фразы и интонации. Очевидно, что в работах гениев нет мелочей и что смотреть их нужно не раз и не два. Великие работы надо изучать вначале в целом, а затем в деталях. Конец известен, диалоги выучены, и только затем открываются новые слои. А что же тут библейское?

А то, что мир в деталях так тонок, отчётлив, так ювелирно прописан именно потому, что Художник мира — Бог, — уже додумал его до конца. В мыслях Бога этот фильм уже снят, эта картина дописана. Оттого вокруг и нет мелочей, и всё важно, всё вписано в общий замысел. Пространство Писания озирается свободно с высоты Апокалипсиса.

* * *

Лазарь, четыре дня пролежавший во гробе, Лазарь, настолько тронутый тленом, что запах смертной гнили был слы-

шен уже из гроба, этот библейский Лазарь ничего не рассказывал о своём загробном опыте. Вероятно, «тамошня» реальность не вмещается в слова. Что может рассказать о тюремной жизни маленькому сыну человек, отмотавший срок?

И Афанасий Печерский, умерший и вернувшийся к жизни, после этого долгие годы молился со слезами и никому ничего не рассказывал.

Какой контраст эти реальные истории представляют в сравнении с вымышленным путешествием Данте Алигьери по Раю, Аду и Чистилищу. Без сомнения, великий флорентинец потерял бы не только красноречие, но и сам дар речи, если бы его опыт был реальностью, а не полётом творческого воображения.

* * *

О делах Божиих нужно помнить. Забвение наползает на сознание так, как песок наползает на оазис, или так, как море постепенно размывает береговую линию. С песком и водой непрестанно борются и на Востоке, и в Голландии. Нужно бороться и с забвением. Великие дела Божии, чудеса Его тускнеют в сознании людей не только по причине их временного удаления. Большой опасностью является разрыв в преемственности благодатного опыта. Чудеса, описанные в Библии, и чудеса, бывшие со святыми, рискуют для многих превратиться в сказку не оттого, что происходили

давно, а оттого, что сердца слушающих необрезаны.

Человек, в XXI веке изучающий древнюю икону, должен иметь некоторую меру тождества своего внутреннего опыта с опытом человека XII века, написавшего эту икону. Иначе всё без толку.

Так и нам нужно внутренне ощущать ужас Потопа, драматизм сорокалетнего странствия и многое другое, чтобы верить Писанию сердцем, а не только читать его вслух.

* * *

Превращение посеянного зерна в колос — это ежегодное чудо умножения хлебов. Оно совершается регулярно, и именно по этой причине не воспринимается как чудо. Но это — дело Великого Чудотворца. Жизнь зерна, его прорастание, превращение одного зёрнышка в колос с десятками подобных зёрен — это ли не чудо?!

Стоит ли удивляться насыщению многих тысяч людей малым числом хлебов? Тот, Кто ежегодно каждое зёрнышко умножает многократно, может без труда в Своих руках умножить уже готовый хлеб.

Воистину, Иисус Христос есть Бог Всемогущий, и Он сотворил мир. «Имже вся быша».

* * *

Братья, продавшие Иосифа в рабство, не узнали его в Египте. Так евреи, отвергшие и распявшие Христа, не узнают родившегося от них по плоти Господа, Кото-

рый уже прославился в мире и превознёсся. Страдальческой судьбой, целомудрием, прозрением будущего Иосиф проображает грядущего Господа. Не менее он изображает Христа и удивительным незлобием. Он едва удерживается от слёз при виде братьев; затем он плачет во внутренней комнате (Быт. 43: 30); он громко рыдает, открываясь им (Быт. 45: 2). Такова любовь. Таков и Христос, до сих пор не узнаваемый евреями. Если не узнают Его до Страшного Суда, придётся им возопить и заплакать, узнав Его с опозданием.

«Они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нём, как рыдают об единокровном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце» (Зах. 12: 10). О том же говорит и первая глава Апокалипсиса.

* * *

Чудеса Христовы многослойны. На первый взгляд может показаться, что всё ясно — воскресил, исцелил, накормил. Но стоит присматриваться. Стоит перетирать, по слову Златоуста, лепестки розы между пальцами, чтобы извлечь большее благоухание.

Так, исцеление слепорождённого таит в себе, по крайней мере, три чуда. Во-первых, это само дарование зрения человеку, родившемуся слепым. Второе чудо в том, что Господь сделал человека способным видеть сразу. Науке известно, как постепенно привыкает к окружающему миру младенец, как он незряч в свои первые дни после рож-

дения. Известно, как постепенно снимаются повязки с тех, кто перенёс операцию на глазах. Сорвать с них повязки резко означает ослепить их повторно уже навсегда. Человек, никогда не выдавший ничего, в порядке естественного процесса, должен был бы постепенно привыкать к образам никогда не виденного мира, к расстояниям между предметами, к цветовой гамме. Увидеть вдруг всё означает сойти с ума и вновь ослепнуть. Мир, всей своей огромностью, должен хлынуть в видящие глаза, и это должно быть непереносимо.

Но человек посмотрел на мир так, как будто он его уже видел и знает. Это — второе чудо.

А третье то, что увидел он перед собой воплотившегося Бога. Многие пророки и праведники хотели видеть и не видели. А слепорождённый, прозрев, тут же посмотрел в глаза Иисуса Христа. Глаза в глаза — только что исцелённый и Источник исцелений, Богочеловек, Спаситель стояли малое время, глядя друг на друга.

* * *

У пяти дев, ожидавших Жениха, в лампадах закончилось масло. Произошла естественная убыль. Если не подливать в лампаду масла, если, другими словами, не возрастать в вере, то угасание светильника неизбежно. Чего стоит доктор, который после окончания медицинского вуза не читает специальной литературы, не продолжает своё практическое и теоретическое обуче-

ние? Чего стоит священник, после семинарии и пусть даже — академии, прекративший своё внутреннее образование? Разве доктору и пастырю хватит той начальной базы знаний и опыта на всю жизнь? Разве эта порция елея не истощится вскорости?

Кроме того, огонь лампы мягок и нежен. Его может задуть даже ребёнок. Это не факел и не бикфордов шнур, способный гореть даже под водой. Огонь лампы нужно беречь.

Нравственные выводы очевидны.

* * *

Когда человек окутан воздухом благодати, когда он попадает в атмосферу реального чуда, человек удивляется. «Неужели это я? — спрашивает себя человек. — Неужели всё это происходит со мной?»

И когда человеку совесть напоминает о прежних ошибках и беззакониях, падениях и безобразиях, он говорит себе: «Неужели это был я? Неужели это произошло со мной?»

Выходит, что на пиках нравственных состояний, в благодати и в падениях, человек не узнаёт себя, изумляется тому, что с ним происходит.

Где же тогда сам человек и что он такое, если ни в благодати, ни в безблагодатности не чувствует он себя естественно? Истинно, мы — витязь на распутье; более потенция, чем факт; всё ещё возможность, а не реальность.

* * *

Один человек говорит: Господи, помоги мне исправиться. Другой человек говорит: Господи, исправь меня Сам, как знаешь, я на всё согласен.

Второй выше первого. Первый просит у Бога помощи на то, чего хочет сам. Второй не верит себе и отдаёт себя в руки Божии и в благую неизвестность.

Второй выше первого, хотя я его ни разу не видал. Да и где ты увидишь второго, если и первый попадается один на тысячу?

* * *

Священник — это Луна, а его жена-матушка должна быть космонавтом. Луна смотрит на Землю всегда лишь одной своей стороной. И священник дома не священствует так, как священствует в церкви. Дома он — муж и отец, любимый человек и хозяин. Для того чтобы видеть в нём священника, его жена должна иногда забывать, что он делит с ней кров, стол и ложе. Она должна совершать космический полёт на «ту сторону Луны». Туда, где её муж, подобно Неопалимой Купине, объят священным огнём и, стоя перед лицом Божиим, священнодействует Тайны Тела и Крови Христа. Как минимум раз в неделю это чудо происходит с ним, а значит, и с ней, той, что привычно делит с ним кров, стол и ложе.

Из обычных земных женщин матушка — самая удивительная женщина в мире.

* * *

После братьев Люмьер человеческая жизнь кажется невозможной без картинок, бегавших когда-то по белой простыне, а теперь мелькающих на экранах и мониторах. Воздух больших городов загазован до предела, и точно так же до предела визуализировано сознание современного человека. Он мыслит картинками и живёт так, будто играет в кино. Пусть кино нам поможет понять кое-что.

Сравним нашу жизнь с огромным количеством отснятой плёнки. Это ещё не готовое кино, но рабочий материал. Потом придёт смерть и, как говорил Пазолини, смонтирует всё, что отснято, в готовую ленту. Только в конце, когда на экране появится слово *the end*, можно будет правильно оценить фильм целиком и каждый эпизод в отдельности. То есть только после смерти, после окончания работы безмолвного инженера монтажа.

Первый показ фильма о твоей жизни будет закрытым. На нём будут присутствовать только Бог и ты. Ты будешь отворачиваться от экрана, краснеть, морщиться, стыдиться. Никакой ад не покажется тебе страшнее этого первого показа. «Смотри сюда, сынок, — может быть, скажет Он, — ведь ты и это сделал. И ещё это, и это. И в этом ты виноват. А теперь смотри сюда, сейчас будет самое важное».

«Не надо! Я не могу! Перестаньте, пожалуйста! Я прошу вас, не надо!» — ты будешь

метаться из стороны в сторону, и весь вспотеешь от страха, и захочешь проснуться, но это будет не сон.

Если это хоть немножко похоже на правду, то Страшный Суд будет похож на один кошмарный кинофестиваль. Ни призов, ни фуршетов. Вместо этого — для многих и очень многих проход по алой дорожке в одну сторону. Проход с опущенными лицами, поскольку тайное стало явным, его увидели все, и нет в этом тайном ничего, чем можно было бы похвалиться.

* * *

Если в семье несколько детей, то можно услышать такие слова: «Вырасту и женюсь на сестричке» или «Выйду замуж за братика». Возможно, это — живое напоминание о том, что было в начале мира, когда человечество плодилось внутри одного семейства — среди детей Адама и Евы.

Когда грешит человек, то не весь он грешит. Это грех живёт в человеке и действует. Сам грех грешит и вовлекает в поле своего действия человека. Грех хочет, чтобы весь человек грешил, но редко ему это удаётся. Остаётся в большинстве людей что-то не поддавшееся греху, некие святые точки, не вовлечённые в круговерть войны с Богом. Точки эти живут в сердце, как звёзды в небе.

И когда человек молится — не весь он молится. Какая-то часть человека стремится к Богу, но всё остальное повисает балла-

стом, не даёт лететь и само не хочет молиться. Молитва хочет распространиться пожаром и охватить всю человеческую природу. А грех хочет пролиться дождём и погасить человека, сделать его до нитки мокрым и тяжёлым, не способным сиять и светить, но только коптить. Борьба эта изнурительна.

* * *

Во Христе нет ни одного греха и даже тени греха. Вместе с тем Он знает всё. Кажется бы, Ему проще простого презирать человека, опозоренного и испорченного беззакониями. Он же, напротив, нежен с человеком, как кормилица, долготерпелив и многомилостив. Как не похожи на Христа обычные люди-грешники. Если кто-то хоть чем-то лучше ближнего, сколько сразу высокомерия и осуждения! Если кто-то знает о чужих грехах, сколько тайной радости о чужом позоре, сколько злого и презрительного шёпота об этом.

Грешники и грешницы! Удивимся и прославим Единого Безгрешного. Он свят, но не гордится. Он знает о нас всё, но не гнушается нами.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ ОТДЫХА

Для «чего-то» нужно «что-то». Это очевидно, поскольку из «ничего» выйдет только такое же «ничего». Для супружеской пары нужен, в минимальном пределе, один согласный мужчина и одна женщина. Для яичницы нужна, как минимум, пара разбитых яиц и горячая сковородка. А что нужно для отдыха?

Во-первых, усталость, потому как иначе не от чего будет отдыхать. Все нынче жалуются, что устали и упрели, но от чего устали — молчат, почему и отдыхают глупо. От глупого отдыха человек ещё больше устаёт, и вряд ли эта мысль кому-то незнакома. Нужна, одним словом, жизненная усталость.

Затем — наличие некоторых денег и некоторого свободного времени. У кого нет излишка денег, тот — плохой отдыхающий. И кто занят с утра до ночи все семь дней

в неделю, тот не годится в сибариты, хоть бы и карманы пухли от банковских знаков.

Но что важнее: время или деньги? Трудно сказать. Есть люди, у которых есть деньги, но с отдыхом не складывается, поскольку времени нет. И есть люди, у которых полно времени, но денег нет, и значит, с отдыхом также не складывается. Нужны время и деньги, или — деньги и время, взятые вместе, разом, тёпленькие, как парочка хрестоматийных злодеев — из постели при задержании.

Мыслим дальше. Хватит ли денег и времени, взятых вместе, для отдыха? Нет. Нужно ещё нечто. Нужно, чтобы не было войны. Вы улыбнулись? Не спешите улыбаться. Нужно, чтобы не было войны, или — голода, или — стихийного бедствия. Если кругом война, то отдыхать не сможет даже тот, у кого денег полно и времени вдоволь.

Тогда будут сложности военного времени, мобилизация, давки на дорогах, перебои со светом, экспроприация и прочие «радости», которые не всякому врагу пожелаешь. Итак, на дворе — мир, в кармане — деньги, в отрывном календаре — несколько недель, помеченных значком «меня нет». Достаточно ли теперь всего этого для отдыха? Нет.

Ещё нужно, чтобы народ внутри страны и за её пределами пребывал под твёрдой защитой законов и не боялся ни погромов, ни ночных грабежей, ни киднепинга. Мы не ездим на отдых в Сомали, хотя пляжи там, быть может, не хуже Лазурного берега.

И в Ливию тоже теперь никто долго не поедет, хотя море там такое же Средиземное, как в Италии или Греции.

Нужен порядок, нужна безопасность, которые декларируются всюду, но в одних местах они разлиты в воздухе, а в других — написаны только на бумаге. Поутишьте пыл в критике собственной страны. На карте мира очень много стран, где ночью на улицу никто не выходит, а в глаза незнакомому прохожему стараются не смотреть. Наша страна в эти списки не входит.

Так. Что в итоге? Крошки со стола нужно сгребать в ладошку, а сказанные мысли собирать воедино. Нужен некий излишек денег и времени, мир внутри страны и защита законов, как на Родине, так и за её пределами. Этого уже очень много!

Теперь добавим здоровье. Ведь никто не уезжает на курорт, если в семье — тяжёлый больной. И никто не уезжает «тусить», если в доме покойник. А ведь умирают люди каждый день! Значит, если вы на отдыхе, то вы попали в счастливую категорию относительно богатых, временно праздных и здоровых людей без особых семейных проблем.

Зацените неосознанное счастье! У вас никто не болен, вас защищают законы различных государств, на вас не падают бомбы. Ёлы-палы! Да в эту категорию вмещаются миллионы людей! Вон их сколько на различных курортах, внутренних и зарубежных!

Иначе как эпохой если не всеобщего, то массового счастья наши времена не назовёшь!

Но почему так мало счастливых лиц? Почему лица в основном уставшие или скривлённые даже на отдыхе? Почему так редки возгласы: «Как я счастлив!» или «Какое чудо!».

Многие люди продолжают хмуро обсуждать проблемы, ругать власть и гневить Бога, как будто поставили себе целью дожить до войны, или выпросить голод, или дождаться серьёзных болезней.

Нужно научиться осознавать себя и на реке с удочкой, и над мангалом с румянящимися шашлыками, и на диване перед телевизором — счастливым человеком. Другого счастья может не быть. Да другого счастья и не надо, поскольку именно в эти секунды живёт человек. Оно может и быть, это «другое счастье», но ты рискуешь его не оценить и не заметить, если не научишься прежде замечать и ценить нынешнее подлинное, хотя и неброское, счастье.

Хороший отдых — это синоним «счастья», или некой составной его части. А «счастье» — это категория внутренней жизни. Внутренней, а вовсе не внешней. Счастлив тот, у кого внутри хорошо. Если же хорошо только снаружи, а внутри — гадость и раздрай, то этот контраст только умножает страдания.

Следовательно, если мы согласимся с тем, что «счастье» есть категория внутренней жизни, а «хороший отдых» — составное по-

нятие «счастья», нам придётся согласиться с тем, что внутренне незрелый человек хорошо отдыхать не может. Для обретения полноты жизненных ощущений и переживаний предстоит вначале научиться качественно уставать от полезных занятий, затем — получать удовольствие от вещей простых и невинных, разбросанных в повседневности.

Следует научиться за всё благодарить Бога. Ну, а затем человека ждёт вход во дворец бесконечных и безгрешных наслаждений, которыми становится жизнь для благодарного и внимательного человека, не ленящегося зарабатывать свой хлеб.

Заработанные деньги. Заслуженный временный покой. Некая степень здоровья и семейный мир. Мирное небо и защита законов. Наконец, внутренний мир и умное сердце. Что ещё нужно для настоящего отдыха?

СОКРОВИЩА СТАРОЙ ЕВРОПЫ

— Вы слышали, что Данте был в аду?

И жив остался...

Не могу поверить...

— А Фауст душу дьяволу продал!

— Какой кошмар!

Зато мсье Онегин

Не торговал душой,

Чертей не полошил,

Но лишь сумел не угадать свой жребий,

И вот итог: трагедия страшней,

Чем выдумки и Гёте, и тосканца...

Данте, Гёте и Сервантес медленно, но неуклонно превращаются в динозавров. Приходит время, когда мир египетских мумий становится понятней и милее любознательному европейцу, чем мир собственных великих предков. Среди голосов, взывающих к нам из прошлых столетий, — какие ещё способен услышать читатель XXI века?

Великие предки, обчитавшиеся рыцарскими романами, могли быть смешны. Они могли безумствовать, заключая договоры с тёмной силой. Они могли слишком много брать на себя, помещая в ад современников, приписывая себе общение с небожителями...

Но они жили в мире, в котором слова «Бог», «покаяние», «благодать» были наполнены конкретным смыслом. Христианский мир держал их в своих объятиях, и даже если они не обнимали его в ответ, а вырывались из объятий, то и тогда они оставались детьми этого мира — сложного, хитросплетённого, основанного на Евангелии, но грешить не переставшего.

Но ныне, ныне... Сняв с шеи крест и разучившись понимать катехизис, человек неизбежно выпадает из смыслового поля той культуры, которая должна быть ему родной и по сути, и по имени. Поэтому содержимое египетских пирамид будет человеку без нательного креста и катехизиса интересней, и пророчества майя покажутся ему достойными вероятия.

Не нужно уже спускаться в ад, земную жизнь пройдя до половины. Напротив, рискуя не дотянуть до благословенных тридцати пяти, европеец может много лет прожить, например, в наркотическом аду, созерцая стенающие тени современников. Если Бог не нужен и нет молитвы, если в храме ты не более чем турист, то ад поспешно всту-

пает в свои права и даёт знать о себе не запахом серы, но тоской и чувством бессмыслицы. Так Данте в опалённом плаще становится и не нужен, и непонятен со всей своей эрудицией, страстными обличениями и философскими обобщениями.

Та же ситуация, если не хуже, с Гёте и его Фаустом. Заложить душу? Это уже не проблема. И целью заклада может стать уже не постижение сути бытия, а банальное желание заработать денег ради выплаты кредита.

Закрываю глаза и вижу объявление в газете: «Продаётся душа. Хорошая, симпатичная. Цена выгодная. Владелец души, в силу атеистического воспитания, имеет некоторые сомнения в её (души) существовании. Однако на твёрдость сделки это не влияет». И номера контактных телефонов.

Я даже могу представить, как инфернальный покупатель, одетый в чёрное, похожий на Де Ниро из «Сердца Ангела», приходит по указанному адресу и встречается с продавцом. Продавец — не высохший над книгами магистр юриспруденции и богословия, но молодой мужичок, работающий в баре, так и не вышедший из детства, слушающий рок и бродящий среди хаоса своей квартиры в трусах и с бутылкой пива. «Кто там?» — спрашивает он и слышит в ответ: «Я по объявлению». Покупатель входит в дом, с трудом находит место, чтобы сесть, и разговор начинается. Они перебрасываются па-

рой дежурных фраз, которые не стоит выдумывать по причине их малоценности. А в конце посетитель поизносит слова, никак не возможные у Гёте, но совершенно возможные у нас и оттого приобретающие характер приговора.

Гость говорит: «Глупец!» (Да-да, так и говорит, пока без злого хохота и не обнажая клыков.) «Глупец, тебе нечего продавать. Твоя несчастная душонка давно ничего не стоит. Она и так уже моя. Ты продавал её всю жизнь до этого момента. Ты продавал её по частям, хотя душа и не делится, чего тебе, впрочем, не понять. Я давно владею тобой, твоими мыслями, желаниями; я верчу тобой, как связкой ключей на пальце. Разве ты написал бы это безумное объявление, если б я не имел доступа к твоим примитивным мыслям, внутри которых даже мне скучно?».

Не хочу развивать этот воображаемый диалог. Я дарю эту идею кинематографистам и лишь подчёркиваю вывод: сюжет Гёте, погружённый в современность, сильно меняется. Меняется из-за качественной перемены, произошедшей в человеке. Не в лучшую сторону произошли эти перемены, ой, не в лучшую.

А Дон Кихот, где он? Где в нашем мире сей антипод Гамлета, как звал его Тургенев? Где эта поэтическая душа, желающая надеть доспехи и сесть на коня не ради захвата нефтяных скважин и торжества демократии, а ради утирания невинных слёз

и усмирения злодеев? Где этот чудак-идеалист, смешной и трогательный, но великий посреди самой своей наивности? Я не вижу его. Он убит стрелами позитивной философии. Он расчленён газетными насмешками. Он закопан в землю лопатой практического смысла, и на его могиле нет креста. В неё вбит осиновый кол мелкой выгоды и материализма. Плачь, Санчо. Такого хозяина у тебя уже никогда не будет, и если даже ты станешь губернатором небольшого острова, тоска съест тебя. Твой единственный выход — на могиле рыцаря надеть его доспехи и, пришпорив инога Росинанта, отправиться туда, где есть беда и где ждут храброго заступника.

Но есть Онегин. И есть Татьяна — им не узнанное счастье. Есть величие и трагизм человеческого существования, явленные без помощи общения с духами и без схождения в ад. Пушкин разъял сердце человеческое и пустился в его глубины, не прибегая к помощи мистики. Для мистики мы стали неспособны, или — плохо способны. Но мы продолжаем влюбляться, искать счастья и раз за разом проходить мимо него. Мы продолжаем калечить собственную жизнь невнимательностью и ранним разворотом. Вся наша жизнь — это именно простая фабула, вознесённая прозорливым гением на запредельные высоты красоты и смысла. Пушкин спасает нашу душу своей хрустальной прозрачностью и чистотой, спасает ге-

нием, светящим сквозь быт и через повседневность. Вот то, что нам нужно, и то, что нам осталось.

До Пушкина нужно дорасти. Он кажется простым и вездесущим. Он с детства воркует над нами то сказкой, то кусочком текста из школьной хрестоматии. И он же закрыт от нашего понимания иллюзией близкого знакомства.

Но это поистине взрослое чтение, услаждающее красотой и питающее полезностью. Это та умная красота, которая доступна всякому человеку, умеющему читать по-русски.

Дальше нужно замолкать нам и давать слово самому Александру Сергеевичу. Затрёпанный томик его «Онегина» может быть найден на большинстве пыльных книжных полок.

Возьмём эту книгу, братья, возьмём эту, по слову Ахматовой, «воздушную громаду». Это есть та часть накопленных Европой сокровищ сердца, которая всё ещё понятна простому человеку, понятна до тех пор, пока человек остаётся человеком. И пока не прикоснётся к этому сокровищу человек, ему самому непонятно, до чего же он, бедный, в этих сокровищах нуждается.

НОВОСТИ ДРЕВНЕГО РИМА

Если бы в Древнем Риме были газеты... В том самом Риме, куда вели все дороги, где люмпенам раздавали бесплатный хлеб от императорских щедрот, где можно было без труда потеряться, словно ты маленький ребёнок, оказавшийся на восточном базаре.

Хотя, что значит «если бы были»? Газеты в Риме были.

Начиная с Цезаря, на стенах домов вывешивали листочки с ежедневной важной информацией. Листочки назывались «Ежедневные дела римского народа».

Они тогда не назывались газетами, потому что ещё не было ни Венецианской республики, где появилась пресса в современном виде, ни мелкой монеты с изображением вороны, которая называлась *gazzetta* и которую платили за ту первую газету в истории.

А в Риме за новости не платили. Они были бесплатны, как дармовой хлеб и кровавые зрелища.

В Риме не было типографий, и листочки писались от руки. В Риме не было журналистов, и трудно понять, кто и за какую плату — или под страхом какого наказания — заполняет эти листочки текстом.

Видно, кто-то умный и приближённый к высочайшим особам выходил неслышными шагами из прохладных покоев в урочный час и передавал текст «газетной матрицы» из рук в руки кому-то поглупее и пострашнее видом. А тот, взяв в широкую ладонь трубочкой свёрнутый контейнер с новостями, уходил туда, где на полу сидели люди, умеющие писать. Те по команде раскладывали на коленях дощечки с письменными принадлежностями и принимались записывать то, что рассказывал им мерно, как ворон, расхаживавший между рядами писцов, начальник императорского «информационного цеха».

Когда чернила высыхали, листки сворачивались и передавались в руки люмпенов из «транспортного цеха», скорее всего — быстроногих мальчишек, которые таким образом зарабатывали свой дневной хлеб. Те неслись, каждый — в своё место, где то ли клеили, то ли прибивали деревянными гвоздиками, то ли крепили иным способом непослушный лист, норовивший скрутиться в трубочку. А любители новостей уже ждали

свежей порции словесной пищи, этой государственной пропаганды и повода к уличному празднословию. Ждали так, как ждут свежей газеты у киоска или утреннего поезда на платформе жители других городов, других эпох, других новостей.

Впрочем, других ли?

* * *

Новости всегда похожи. Они не одни и те же, но они похожи. На глубине, там, где происходит отвлечение от деталей стиля и фактажа, а остаётся голая суть, они просто одинаковы. Настолько одинаковы, что всякий ощутивший эту одинаковость тотчас становится на пару секунд Соломоном. «Всё суета, — говорит очередной грустящий мудрец и добавляет: — нет ничего нового под солнцем».

— С кем воюем? Нет ли врагов на границах?

— Почём хлеб этой осенью? Не подорожал ли? Говорят, из Египта суда идут с перебоями.

— Пишут, что Квинт Марций повесился. Пусть врут больше. Каждый пёс в Риме знает, что его убили из-за любовницы.

— А кто дерётся завтра? Кто дерётся, я спрашиваю? Не выйдет ли на арену тот огромный галл, который так всем понравился на прошлых зрелищах?

* * *

Читал, конечно, новости кто-то один или несколько грамотеев, а остальные слу-

шали. Грамотность не была всеобщей. Голоса читающих часто перебивались криками и комментариями. Тут же у стены с новостями могла вспыхнуть и быстро потухнуть потасовка.

Но перечень вопросов или, как мы сейчас можем сказать, тем и рубрик, был до смешного похож на наши рубрики и темы.

«Экономические новости», «Дела в Сенате», «Обзор текущих дел божественного Императора», «Политический прогноз об отношениях с варварами и состоянии дел на границах». Отдельно — «Слухи и сплетни». Отдельно — «Новости культуры и спорта», то бишь сведения о том, кто скачет на колесницах в ближайшие выходные и кто бренчит на кифаре в перерыве между боями гладиаторов.

«Астрологический прогноз», а может — «Новости гаруспика» или «Что предвещают внутренности жертвы?» в разделе «Мистика», например, — новости о личной жизни жрецов Элевсинских мистерий.

Конечно, «Погода». Рим, как улей пчёлами, был наполнен лентями и проходимцами, а погодой интересуются больше всего крестьяне и мореплаватели, но тем не менее, погода интересовала всех, как и сейчас. Почему — неизвестно.

Там ещё могла быть информация о налогах, о казнях преступников. Некоторые «номера» могли исключительно посвящаться императорскому эдикту. Но

в это же самое время корабль с пленным Павлом, требующим суда у кесаря, мог подплывать к ближайшей гавани, и газеты об этом молчали.

Они молчали и о Петре, который ходил где-то рядом при свете солнца, а ночью не имел недостатка в пастве, жадно ловившей его сладкие и страшные рассказы о Спасителе. Газеты могли заговорить о них позже — когда воздух уже насытился слухами, когда людей, при встрече рисующих на песке рыбку, можно было встретить в каждом втором доме. Да и тогда письменные сведения не могли быть подробны.

Толпа не философствует. Толпа жадным ртом хватается воздух, а жадные руки протягивает к дармовому куску. Только такую же информацию она и признаёт: горячую, как воздух стадиона, и заходящую внутрь, как бесплатный хлеб.

Поэтому о Петре и Павле не могли писать газеты Рима. Поэтому впоследствии, улыбаясь, говорили и мы: «В «Известиях» нет правды, а в «Правде» нет известий».

Поэтому эпоха всеобщей информированности есть эпоха жонглирования мозгами и таких масштабных обманов, которые невозможно уже никогда ни вскрыть, ни опровергнуть полностью человеческими усилиями.

Рим — это не просто точка на карте или затянувшаяся историческая мизансцена. Рим — это нечто большее. В том числе

в плане информации.

Среди сотен газетных наименований, среди гор ежедневной пахнувшей краской макулатуры мы и сегодня найдём информацию о дорогих гетерах и любимом императорском миме, о победе Западных легионов и бунте рабов на каменоломнях Юга. Мы прочтём о том, что в квартирах будет темнее обычного, поскольку оливы подорожали, и масла будет хватать в пищу, но для заправки ламп его уже не хватит. Прочтём о новинках моды, и особенно фасон модной туники будут обсуждать те, у кого срам едва прикрыт тряпкой.

Гадатели по звёздам будут нас то пугать, то обнадеживать; и амфитеатры радостно распахнут ворота, зазывая на игры; и полиция сообщит о раскрытом заговоре; и беглый раб, насилувавший девочек в бедных кварталах, таки будет пойман, к неописуемой радости матерей и особенно министра безопасности.

Нас ждёт информация о триумфе и строительстве новых бань по этому поводу. Особые издания сообщат о ночной жизни, о том, где можно утешиться человеку, обладающему избирательным правом, и сколько это будет стоить.

Строительство дорог, разворовывание казны, вспышки инфекции... Таинственные культы, проникшие с Востока, публичные состязания поэтов-декламаторов. Постоянные дебаты в Сенате, политическая

активность масс, толпы безработных. Теснота в многоэтажках, суета и многолюдство что днём, что ночью, избыток новостей со всего мира.

* * *

Именно в таком городе был распят вниз головою Пётр.

В таком городе Павлу отсекли голову.

СИВАШ

Человек погружён в историю. А история есть не что иное, как медленно и не для всех заметно сбывающиеся пророчества. Это не хаос, но движение к цели, вопреки препятствиям, возникшим из-за человеческого своеволия.

Когда количество незримых мелочей достигнет нужного предела, пророчества начинают сбываться видимо и заметно. Они проливаются наземь тропическим ливнем, они сыплются градом, иногда величиной с голубиное яйцо. Тогда даже слепые, не видя ничего очами, всё ощущают кожей. Вот тогда-то большинство людей пытается метаться и «влиять на историю». Но эти попытки обречены в лучшем случае на бесплодное геройство, поскольку болезни, незамеченные в своём нарастании, бесполезно лечить при их бурном прорыве.

Помню, прочитал когда-то у Владимира Соловьёва вопрос: может ли службу служить неверующий священник? И ответ: конечно, может.

А служба при этом совершается? Да, совершается. И люди причащаются, и благодать действует. Страшновато об этом говорить, небезопасно глядеть в эту сторону, но глядеть и говорить придётся.

Неверующий священник в дореволюционную эпоху — явление не такое уж и редкое. Тому способствовала кастовая замкнутость духовенства — так называемый «левитизм». Дед — священник, отец — священник, сын — священник, внук — священник. Вместо ожидаемой потомственной святости при таком раскладе на каждом шагу нетрудно было повстречать вырождение религиозного чувства, бытовой материализм, приземлённость стремлений, отрыв от паствы. От того, кто получил приход в наследство от отца — в наследство неизбежное и обязывающее — трудно ждать горения духа.

Потом революция расслоила всех, в том числе и духовенство. Расслоила на тех, кто умрёт за веру, и тех, кто от веры откажется так просто, словно и не верил никогда. Но когда служили они, эти милые бородатые теплохладные батюшки, без особой веры, по потомственному избранию, то всё равно совершались службы. Об этом и говорит В. Соловьёв.

И С. Фудель вспоминает одну «отреченную» службу. Служил в последний раз священник, слагавший с себя сан. Никто ещё не знал об этом. Но вот причастились и отпуст услышали. Тут батюшка проговорил:

«Я отрекаюсь от священства», — и стал ризы снимать. Народ глухо зароптал. Зачем тогда служил? И была ли эта служба полноценной, если священник уже решил сан оставить? Может быть, и порвали бы отказника-попа на части, если бы не один юноша. Он вышел на амвон и сказал: «Пусть идёт. На Тайной вечере был Иуда, но служба совершилась».

Итак, священник может быть отрёкшимся, потерявшим веру, не имевшим веры никогда. Да, братья. Да, сёстры. Может. К сожалению, но может. Святых священников вообще очень мало. Если бы святость Церкви мерилась святостью священников, Церковь никогда бы не назвали святой!

Смирнейший народ наш от священников даже и не ждёт святости. Может, ждал когда-то... Ждал-ждал, да и не дождался. «Лишь бы верующий был да к деньгам не жадный», — так думает о священнике наш народ и даже этого минимума жаждет, как манны небесной.

Нам пришлось коснуться священства ради общей идеи: может ли человек, лично неверующий в Бога и Его Промысл, содействовать исполнению воли Божией?

Может.

Странно, но факт. Жутко, но истинно. Примеры? Пожалуйста.

Врангель обороняет Крым. Это — последняя баррикада России, не желающей становиться «красной». Нет вопросов, кто здесь за Бога, а кто — против. Белые молятся, красные —

нет. Белые воюют за святое прошлое. Красные одержимы идеей сотворения святого будущего. Одна из сторон должна погибнуть, или сдаться, или спастись бегством. Мир невозможен. Красные начинают и выигрывают. Что это? Слабость веры одних и сила одержимости других? Возможно, но не только. Это ещё и недоведомые судьбы Божии, сбывающиеся на глазах сотен тысяч людей, из которых никому до конца эти судьбы не ведомы.

В фильме «Служили два товарища» офицер, которого играет Высоцкий, советует укрепить оборону со стороны Сиваша, но его никто не слушает. Сиваш кажется непроходимым. Однако сильный ветер обнажает гнилое озеро, и красноармейцы Фрунзе вместе с махновцами взламывают оборону белых. Там, в фильме, офицер говорит, что Бог на стороне красных, и саму воду Он гонит перед ними, как некогда перед евреями при Исходе. Это не вымысел, а историческая правда.

Вот слова Фрунзе:

«Очень выгодным для нас обстоятельством, чрезвычайно облегчившим задачу форсирования Сиваша, было сильное понижение уровня воды в западной части Сиваша. Благодаря ветрам, дувшим с запада, вся масса воды была угнана на восток, и в результате в ряде мест образовались броды, правда, очень топкие и вязкие, но всё же позволившие передвижение не только пехоты, но и конницы, а местами даже артиллерии.

С другой стороны, этот момент совершенно выпал из расчётов командования белых, считавшего Сиваш непроходимым и потому державшего на участках наших переправ сравнительно незначительные и притом мало обстрелянные части, преимущественно из числа вновь сформированных».

Большевики «пешествовали, яко по суху», и сказать, что Бог не видел, не знал этого, не творил это, было бы странным и ошибочным. Видел, знал и творил, а вот почему? — загадка. Бог взламывает наши мысленные схемы, помогает явно и чудесно, дарит победу тем, кто против Него. Сложно не сойти с ума и не потерять веру. Но именно нельзя делать ни того, ни другого. Нельзя «приватизировать» Бога и Его действие в мире. Нельзя уподобляться евреям, которые хотели сбросить Христа с горы, услышав от Него проповедь о чудесах, бывших при Илии и Елисее. Чудеса эти были совершены над язычниками — военачальником Нееманом и вдовой-финикиянкой.

Белые страдают за поруганный образ Родины и её святыни. Белые умирают мучениками или, выжив, становятся изгнанниками. Красные, победив, берут валявшуюся под ногами власть и начинают творить «волю свою», странно допускаемую волей Божией. Многим кажется, что это — историческое недоразумение, нонсенс. Но годы идут, и «нонсенс» увеличивается в масштабах. С ним постепенно приходится сми-

ряться, поскольку самый злой и нервный человек вынужден признать: советская власть пришла всерьёз и надолго.

Мимо воли Божией? В том-то и дело, что нет. Если и волосы на голове посчитаны, то такие мощные политические процессы никак не могут обойти Всевидящее Око. Бог велит смириться. Проглядели, прохлопали зарождение дракона — теперь, когда он вырос и воцарился под ваши либеральные приветствия, терпите и платите ему дань. Видимо, так звучит вывод.

Из всех времён, которые были и будут, меня интересует то время, которое есть. История творится не нами, и мир меняется без нас. Мы живём в этом меняющемся мире и пассивно пользуемся плодами его перемен. Политика, это мирское таинство управления жизнью, либо оставляет нас безучастными, либо превращает в лизоблюдов. Такой подход к жизни грозит большими наказаниями. Бог и сегодня, как когда-то на Сиваше, может почему-то (у нас не спросясь) позволять, допускать самые дерзкие социальные и научные эксперименты. И мы, видя, как сатанеет мир, будем склоняться к мысли, что Бог ушёл из истории. А на самом деле это мы покинули историю и свою ответственность за её ход. Боюсь, что некий комсомолец, строивший БАМ, может быть временами Богу угоднее, чем некий мечтатель о былой славе старины и о граде Китеже. По крайней мере, труды первого Бог может благосло-

вить, а мечты второго, бесплодные и тщеславные, не благословит никогда.

«Оторопь берёт меня и голова кружится, — писал один умный человек другому душевному человеку, — когда подумаю о разнице между тем, какова должна быть роль Православия в мире и какова фактически эта роль».

Это мы должны были бы, возвращаясь к Сивашу, идти по морю как посуху, и гнать атеистов до самого Белого моря. Но у них было дерзновение, а у нас — нет. У них было видение будущего, сама идея устройства жизни, а у нас были только сентиментальные воспоминания о прошлом и обрывки скудных знаний по истории Отечества. Тот, у кого нет видения будущего, всегда будет побит тем, у кого это видение, пусть даже и неправильное, но выстраданное и любимое, есть. Качество нашей будущей жизни, таким образом, есть ответ на вопрос: есть ли у нас видение будущего, его предчувствие? Есть ли у нас хоть какие-то ответы на вопросы, которыми засыпает нас жизнь?

Кто мы — мечтатели о великом прошлом или творцы сколько-нибудь сносного будущего? К кому будет близок Господь в грозный час исполнения пророчеств?

Вопросов много. Тревоги много.

И пока земля не дрожит, то и дело слышишь: да бросьте вы мудрствовать!

Но когда задрожит земля, те же люди скажут: что же вы сразу не сказали, что это не шутки?

ДЫМ БЕЗ ОГНЯ

Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч...
(Откр. 3:15)

Люди, мало знающие о Церкви, но тянущиеся к ней интуитивно, заходят в храмы за одним — «свечку поставить». Об этом свечном благочестии можно много говорить; можно даже справедливо негодовать на него, если вера, со свечки начавшись, на одной лишь свечке и заканчивается. Но отметим одну важнейшую особенность православного мировоззрения. В храме должен быть живой огонь! Не «может быть», а именно должен быть. При совершении литургии на престоле непременно должны быть две зажжённые свечи. Семисвечник как раз может отсутствовать (он появился у нас в храмах довольно поздно), а вот без свечей на престоле — нельзя. Свещеносец с лампадой предшествует Малому и Великому входу. Свечи традиционно горят в руках Архиепископа (дикирий и трикирий), в руках брачующихся и крещающихся. Нельзя без огня,

без живого огня, на фоне которого электрический свет воспринимается в лучшем случае как нечто неживое или театральное, а в худшем — как нечто кощунственное.

Разговор этот начат не в целях поддержания свечной промышленности. Иерархия смыслов в Церкви расположена так, чтобы возводить сознание верующих людей от видимого — к невидимому, от дольного — к горнему.

О чём нам говорит необходимость огня живого, а не холодного и обманчивого? О том, что нельзя служить Богу холодно, вяло, кое-как, по подобию зимнего солнца, что светит, но не греет.

Нужна ревность о Господе Боге, ради возгревания которой, думаю, мы и совершаем ежегодно память пророка Илии. Тот ревновал о славе Истинного Бога и низводил огонь на жертву для обличения лжи и вразумления народа. Об огне, который Он пришёл низвести на землю, говорил Христос. И как Он хотел, чтобы огонь этот уже возгорелся! Не зря и Дух Святой сошёл на учеников в виде огненных языков, чтобы очищать, не опалая. Чтобы реально согреть людей неземной силой. В воспоминание этого огня, можно думать, и Церковь не желает совершать богослужение иначе как только при мягком и живом, греющем, но могущим и опалить, свете лампад и свечей.

Теперь посмотрим на себя. Где огонь? Где свет и тепло, рассеивающие мрак и холод?

Где ревность о Господе Саваофе? Конечно, в ответ покажут пальцем туда и сюда, назовут пару имён и приведут десяток примеров. Всё, мол, в порядке. Но разве это всё, что должно быть? Разве наше церковное бытие повсеместно светит и греет? Вопрос ужасен, зане категоричен и требует прямого ответа. И вопрос этот висит в воздухе на протяжении всей христианской истории, но слышен для ушей совести он становится лишь тогда, когда мы вчитываемся в Евангелие и всматриваемся в себя. И вот вопрос услышан и произнесён, а в ответ звучит: «всё в порядке, переживать не о чем!». Боюсь, что люди, отвечающие так, вступают во вражду с Господом Иисусом Христом. Ведь Он-то знает, что не всё в порядке. Да и, по правде говоря, того, что каждый из нас в отдельности знает, достаточно, чтобы навсегда забыть словечко «о'кей». Всё очень даже не в порядке. И не потому, что есть грехи, а потому, что нет огня, в котором традиционно сжигают и очищают всякую нечистоту.

И что делать? А вот что — раздувать огонь, ранее ярко горевший, а теперь едва тлеющий. Возгревать в себе и в других ревность о Господе и о спасении. От малого огня зажигать множество свечей, и не просто ругать тьму, но и содействовать умножению света.

Люди могут работать с огоньком. Умеют с тем же огоньком танцевать и веселиться.

Могут очень азартно и увлечённо относиться к бизнесу и житейским делам. Строят, сажают, шьют, покупают и продают зачастую очень усердно, и активно, и с любовью. А вот молятся и Богу служат обычно так, как мокрое горит — еле-еле. За тяжкую повинность и обременительное занятие почитают службу и молитву не только прихожане, но часто и сами саном облечённые. Что это такое? Это повторение греха, в котором были виновны древние евреи. Они роптали, что служение Богу требует больших усилий, а польза от этого служения не видна. Теперь почитаем историю — что с этими ропотниками стало, и поймём, что нас может ждать нечто худшее.

Мы ведь без огня молимся и без огня проповедуем. Настолько пресным всё это давно уже стало и так вошло уже в обычай, что любой заезжий болтун, для сугубого нашего позора, в концертном зале любого города без труда может собрать несколько тысяч крещёных людей. И те часами будут слушать внимательно его проповедь в клубе или театре, потому что изголодались их души без слова Божия. А мы, получается, взяли ключ разумения, но сами не вошли и желающих не пустили...

Да неужели Господь наш благословил нас на такое скучное, пресное и безжизненное существование, которое мы ведём? Неужели Он благоволит к этому способу бесполезного прожигания жизни? Не может этого

быть! Нужен огонь — и на Престоле, и в уме, и в сердце.

Есть, однако, среди нас и такие, кого нужно сдерживать. Это те, у кого есть ревность, но не по разуму. Это те, кто решился приклеить ярлык «последних» к нашим временам и никого больше слушать не хочет. Таким заранее всё ясно: и где антихрист родится, и кому в спасении отказано. Но и эти ревнители появились у нас только из-за беззубости и безжизненной стерильности приходской жизни. Будь наша жизнь горяча и красива, поехали бы эти «ревнители» к сомнительным старцам за странными благословениями? Не думаю! Они жили бы на месте, питаясь Евхаристией и исполняя заповеди. Они были бы полны тем, что обильно преподаётся Воскресшим Христом через Евхаристию, и не имели бы нужды в иных дарах, иных учениях и усиленных эсхатологических страхах.

Так, кстати, было и на Западе. Омертвление католицизма родило протестантизм. А безжизненность протестантизма породила желание обновиться духом. Но вместо обновления произошло рождение ложного харизматизма и углубление раздробленности. Так и у нас всякий не горящий, но «копящий» пастырь виновен в умножении сектантства и в уходе людей от живого Христа на страну далече.

Нужен огонь, нужна вера. Если вера есть, то она светит и греет. А если нет света и огня,

то и веры нет. Есть лишь обманчивая видимость, вызывающая законное раздражение. Для обманчивой видимости есть свой огонь — тот, что не погаснет. И если настоящего огня не будет, то непременно наступит время того страшного огня, от которого да избавит Господь всякую душу.

Будем думать об этом, покупая свечи и возжигая лампадки. Думать, чтобы огонь видимый, мягко освещающий лик Христов и лик Матери Его, стал со временем духовным огнём, пожигающим наши внутренние страсти и очищающим сердца наши.

ПРИВЫЧКА К ВЕРЕ

Человек не склонен ценить то, что имеет. Когда мы любимы, мы не боимся потерять любовь, когда хорошо себя чувствуем — не особо заботимся о здоровье. И лишь теряя что-то важное, готовы хвататься за ничтожку, чтобы вернуть утраченное. Но бывает слишком поздно...

Человека можно лишиться многого. Но есть нечто, чего можно лишиться только по своей вине. От лени или гордости, от скуки или со злости можно однажды потерять самое главное сокровище сердца — веру.

Розанов сказал, что народ-богоносец, то есть русский народ, отрёкся от веры так быстро и так легко, словно в бане вымылся. А Чехов, напротив, считал, что между «верю» и «не верю» лежит большое расстояние. Его, как поле, нельзя перейти быстро. Вот человек по привычке продолжает говорить «верю», а сам, чуть ли не вприпрыжку, несётся по полю к противоположному краю. Другой же, напротив, бормочет «не верю»

и подыскивает аргументы, но сам уже дошёл до той черты, за которой поют «Осанну».

Впрочем, Чехов говорил это в противовес той лёгкости, с которой люди бросаются словами о вере и неверии. То есть он таки считал, что современные ему русские люди в массе своей расстояния между двумя полюсами не ощущают и о сложнейших вещах говорят как о чём-то обыденном.

Кого-то в вере держит быт и земля. Раньше, когда вся империя была крестьянской, таких могло быть большинство. Антея, чтобы задушить, нужно было от земли оторвать. Иначе он из земли силу впитывал. Крестьянин, оторванный от земли, есть тот же могучий Антей, поднятый в воздух Гераклом и там задушенный.

У Короленко в повести крестьянин с Волыни приезжает в Америку и там первое время ещё вспоминает Бога. Всё странно ему и всё пугает: дома до облаков, поезда метро, несущиеся над головой по эстакаде. «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», — то и дело говорит он, крестясь. Но земляки, уже освоившиеся на новом месте, ухмыляются на его молитвы. Они тоже молились поначалу. Они знают, что скоро он перестанет креститься и молиться, как и они. Если будут у него дети, то дети снова начнут молиться, только по-английски, и не в храме, а в молитвенных домах.

Так смена культурной среды убивает привычную веру в тех, для кого вера — не глав-

ное в жизни, а придаток, культурный фон. Таких всегда большинство. И необратимый слом сельского, земледельческого быта требует нового уровня веры, более глубокого, более стойкого к перепадам духовного климата.

Сельский быт сломан везде, кроме редких оазисов. Сломан он где революцией, где эволюцией, но и там, и там — последовавшей затем урбанизацией и индустриализацией. Теперь явилась уже и информатизация, и не стук колёс мешает читать псалмы, но забитая мусором голова не запоминает Символ веры.

Вернуться к крестьянским приметам, к освящённому быту, к праздничному церковному циклу, счастливо совпавшему с циклом полевых работ, можно лишь в виде экологического туризма.

Если за веру не бороться, то исчезает она незаметно. Ещё тепло недавнего присутствия сохраняется, ещё запах не выветрился, а самой веры уже нет. Как страшно!

У Хармса в одном из безумных рассказов есть персонаж — верующий человек. Так вот он заснул верующим, а проснулся неверующим. Но была у него привычка измерять перед сном и после пробуждения свой вес на медицинских весах. Он измерил. Оказалось, что в то утро, когда он проснулся неверующим, он весил на двести граммов меньше, чем когда засыпал. Я не гарантирую точность вычислений. Там это всё

в фунтах, в пудах. Но вывод: вера весила ровно столько, сколько составила разница между взвешиваниями.

Как страшно!

Хармс ведь никого не смешил. Он смотрел своими сумасшедшими глазами на улицу, по которой сновали люди и ездили трамваи, и когда он вертел своей сумасшедшей головой, ни одна муха его не боялась и не отлетала в страхе. Мухи считали его своим.

Страх увеличивается обыденностью. Вот так просто, обыденно человек утратил веру. Как будто ему случайно отрезали голову, и никто не испугался. Даже не ахнул. Как там у Достоевского: «Мы тогда обедали... — Да, вот вы тогда обедали, а я вот веру-то и потерял!».

Хотя, что это я всё от писателей да от писателей примеры беру? Я ведь лично слышал сотни похоронных проповедей. Один священник так и говорил: «Учёные всего мира доказали, что душа человеческая весит три грамма!». Слово «грамма» он произносил так, что удвоенное «м» было отчётливо слышно. Проповедь заканчивалась так: «Спи, наш дорогой. Спи спокойно. Спи тихим, безмятежным, беспробудным христианским сном». Вот так! Ни больше, ни меньше. И беспробудным, и христианским.

В такие минуты сам Хармс мог заглядывать выпученными глазами в окна за нашими спинами и улыбаться сумасшедшей улыбкой.

Незаметно теряется самое главное. И гром не гремит над головою тотчас. Всё чинно, и аккуратно, и скатерть крахмальная, и полы блестят. С какой стати всё должно измениться в худшую сторону? Разве оттого, что кто-то сказал: «Я в Бога больше не верю»? Вот гимназист Миша Булгаков взял да и сказал эти слова папе — профессору Духовной академии за обедом. И жизнь покатила дальше, словно дети — с горки на санках. Покатила весело и беззаботно, сыто, комфортно, с заливистым хохотом. А то, что потом было — и революция, и гражданская, и голод, и липкий неотвязный страх на долгие годы — так это разве как-то связано?

«Мы не знали, что в бутылке — джинн. Мы не хотели его выпускать. Просто открыли пробку, и всё. Мы не думали, что это серьёзно. Что нам теперь будет?»

Это лепечут те, кто аплодисментами встречал зарю новой жизни. Бедные и глупые. Из тюрем они теперь будут выходить без мученического ореола, но с отбитыми почками и без зубов. На стройках новой жизни они не смогут читать книги, как когда-то революционеры в ссылках. И забирать их будут среди ночи из тёплой постели без санкции прокурора. Расстреливать тоже будут без суда.

Это раньше надо было для очистки совести «родить, посадить, построить». Теперь — колокол отлить, храм восстановить,

научиться читать часы перед литургией. Ну а после этого, или параллельно с этим — сын, дерево, дом.

Если первого не будет, кто-то опять придёт и разрушит второе. Ограбит дом, заберёт сына в окопы, порубит дерево на дрова в холодную зиму.

За веру надо бороться, за веру. Остальное приложится.

ДУШЕВНЫЙ ТРУД

Серьёзный разговор вскрывает проблемы. Одной из проблем, вскрываемой любым серьёзным разговором, мне видится вопрос о духовности, душевности и телесности в человеке. Другими словами — вопрос иерархичности. Насколько одна часть народа живёт жизнью подчёркнуто телесной, чуждой дерзаний веры, настолько другая, воцерковляющаяся часть, стремится жить подчёркнуто только духовной жизнью, одной лишь духовной жизнью и ничем, кроме духовной жизни. На наших глазах словно повторяется формула выступающего в американском суде: правду, только правду и ничего, кроме правды. Такая пафосность опасна. И у них в судах количество лжи не уменьшается, хотя все, казалось бы, за правду. И у нас духовность не шибко цветёт, хотя многим только одну её и подавай.

Человек троечастен. Об этом говорит Писание: «И ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока в при-

шествие Господа нашего Иисуса Христа» (1 Фес. 5: 23). Есть, как видим, в человеке дух, душа и тело. Есть, соответственно, и сферы жизни духовные, душевные и телесные. Их нельзя ни смешивать, ни путать, ни менять местами. Так же и Матерь Божия говорит: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моём» (Лк. 1: 46-47).

Знаменитая безбрежность русской души (которую лично я считаю просто недисциплинированностью) характерна именно отсутствием середины. В этой безбрежности либо плоть без души, либо такие редкие, но сияющие высоты духа, что смотреть больно. И полное пренебрежение серединой. Святого человека встретить легче, чем просто порядочного. И хранителями этой диспропорции являются именно церковные люди. Они часто способны хвалиться тем, что в институтах не обучались и Моцарта принципиально не слушают, как будто в этом есть что-то ещё, кроме специфического большевизма. (Вообще большевизм сильно потрафил народной душе, тёмной и стихийной её части, почему так надолго и задержался, невзирая на кашу из костей, крови и поломанных судеб).

Наша политическая жизнь и социальное расслоение тоже носят черты нашей же специфической духовности. В духовной жизни мы привыкли, что есть малое число очень святых людей, а все остальные очень тёмны

и грешны. Точно так и в обычной жизни мы привыкли к существованию очень богатого меньшинства при очень бедном подавляющем большинстве. Такова история. И сила инерции её велика.

Церкви до сих пор легче говорить с обоими полюсами привычного русского общества: с очень высоко зашедшими и с очень низко опустившимися. Много ума не надо, чтобы одним «Мерседес» освятить, а другим копейку в руку сунуть. Так можно молча и прожить, никому ничего не благовествуя. Гораздо сложнее с теми, кто ищет слова и назидания, а не треб и подачек.

Именно с людьми, находящимися в середине, говорить нужно учиться. Генетически и психологически они — представители масс, но бытийно они уже на пути в неизвестную сторону. Их штормит, у них появляются вопросы. Они путешествуют, что-то с чем-то сравнивают, пытаются читать и думать. Они робко засовывают нос в наши храмы, надеясь, что кому-то их появление нужно и кто-то им уделит время и внимание. Это — творческий залог серьёзных будущих преобразований. И тут возникает соблазн подстрелить человека на взлёте «высокой духовностью», той, что без середин, а сразу — в самое небо. То есть — духовностью, только духовностью и ничем более, кроме духовности. Это лучший способ испугать, оттолкнуть, а то и просто покалечить человека непропорциональной строгостью

требований, полным отсутствием педагогического такта и рассуждения.

И вроде бы отцы сказали, что «стремительно лезущего на небо новонаначального нужно сдёргивать за ноги вниз». Но всё не впрок. Состоя в основной массе из сплошных новонаначальных, мы — церковные люди — лезем в небо и только в небо, пренебрегая уборкой территории, на которой проживаем земную реальность. Мы ждём и требуем от всех и от себя «великой духовности» и соответствия древним идеалам, как будто дерево без поливки, окапывания и прочих процедур может само собой плодоносить. Апостол сказал: «Не духовное прежде, а душевное, потом духовное» (1 Кор. 15: 46). Это означает, что без толку вести к святости людей, которые читать перестали и писем не пишут, ограничиваясь sms-ками. Усидчивость, трудолюбие, аккуратность, столь много могущие потом послужить человеку в духовной жизни, собственно духовными качествами не являются. Это душевные навыки, вкладываемые воспитанием. Нам этого очень не хватает. Нам не хватает культуры мышления, культуры работы с текстами и обсуждения прочитанного. Нам не хватает всего того душевного труда, который если будет, то неизбежно «выстрелит» в самых разных гуманитарных областях и плодотворно отразится на жизни.

Человека заставляют думать путешествия (они, по Честертону, оттачивают ум, если

он у человека есть). Его заставляют думать книги, музеи, музыка, живопись. Вообще искусство есть не что иное, как в концентрированном виде сформулированный опыт веков, увековеченный стараниями измученного человека (автора). Вся история человечества — это история внутренних дерзаний, страданий, взлётов и падений. Быть глухим к этой истории, считать, что «меня или нас она совсем не касается», есть некое новейшее варварство, тем более обидное и непростительное, что все средства для избавления от варварства нам сегодня даны прямо в руки.

Автор сих строк робко вынашивает статью о тех Оптинских старцах, которые любили науку, искусство и чья любовь эта не утонула от наставляемых ими. Мне понятно, что многие люди наши по складу души готовы сказать грибоедовскими словами: «Собрать все книги — да и сжечь». И лишь когда им укажут: «А вот эту книгу такой-то старец очень любил», они, пожалуй, скажут: «Ну, эту, так и быть, оставьте». Именно поэтому мне хочется поговорить когда-нибудь о старцах с точки зрения богатства души, которым они отличались, органически сочетая и святость, и образованность, и широкий круг интересов.

Вот Варсонофий был большим знатоком и любителем оперы, играл на музыкальных инструментах и прекрасно знал художественную литературу, что и по беседам

его видно. Душевное не только не мешало духовному, но и питало, поддерживало, помогало расти духовному многоплодному дереву. Неужели можно думать, что великому монаху Пушкин был важен, а нам можно жить так, словно его и не было вовсе? Или Нектарий. Тот, всю жизнь проживший в монастыре, в монастыре же и прошёл весь курс доступных наук. Он изучал всемирную историю, французский язык, математику, философию, да так изучал, что многие гости Оптиной интересовались: «Какой университет батюшка окончил?». Нектарий говорил: «Я приникаю к научности» — и ещё: «Перестаньте думать, начните мыслить!». Знание новейших открытий в разных областях науки помогало ему закрывать легкомысленные уста людей сомневающихся и над верой смеющихся. Ну это ли не пример?! А разве это только Оптиной касается? Нельзя спасаться в невежестве. Нужно спасаться в простоте. А простота и невежество вовсе не синонимы.

* * *

Если мы хотим, чтобы человек стал как можно быстрее ангелом, то вряд ли мы ускорим этот сложный процесс. Гораздо реальнее то, что мы, в надежде на быстрое достижение «чистой духовности», забудем оборудовать отхожее место и вскоре начнём страдать от антисанитарии. Так телесная жизнь накажет нас за пренебрежение душевной стороной жизни (порядком, умеренно-

стью в требованиях и элементарной чистотой) и подчёркнутым спешным движением в сторону духовности. В этом, кажется, и состоит одна из наших исторических ошибок, до сих пор не понятых и не вскрытых беспощадным анализом. И о чём бы серьёзном мы с вами ни заговорили, мы всюду наткнёмся на страстные крики и гневные реплики, за фасадом которых скрывается полное бесчувствие к иерархичности жизни и неумение различать «вершки» и «корешки».

ПРАВОСЛАВНЫЙ ДЖИХАД

Чтобы убить человека, нужно сильно разгневаться и взять в руку камень. Чтобы убить миллионы людей, нужно сначала придумать теорию. И кто бы подумал, что из невинных опытов по измерению формы и объёма черепа вырастут концентрационные лагеря. Кто бы подумал, что из-за одной кабинетной ошибки богослова могут разгореться религиозные войны...

«Би-би-си» показывает фильм о человеке. Главный герой — маленькая девочка по имени, допустим, Мэри. Ребёнок с двумя прорезавшимися зубками, одетый в платьице, пускает слюни и ходит на четвереньках. Голос за кадром объясняет: лет за семьдесят жизни слюнные железы Мэри вырабатывают столько-то (называется число) тонн слюны. Каждый день в течение семидесяти лет её почки будут перегонять и очищать столько-то (называется число) ванн крови.

Её ногти, если их не стричь, выросли бы на десятки метров. Из волос можно было бы сделать два или три каната для занятий физкультурой...

Весь этот бред длится в начале минутами, затем часами, и человек в этом наукообразном бесовском мареве предстаёт странной машиной, производящей слюну, сопли, кал, мочу, перегоняющей кровь, выращивающей волосы и, в конце концов, сгнивающей в земле безо всякого остатка, без надежды на воскресение, без всякой попытки уцепиться за вечность. Если бы «Би-би-си» снимала такие фильмы во времена Гитлера, фюрер взял бы эту компанию на денежное довольство, как одно из подразделений геббельсовской пропаганды. Более человеконенавистнических опусов людям никогда не выдумать. По сути, это киноучебник по догматическому человекоубийству. Поскольку, если не сказать, что эта слюноточащая и калообразующая тварь способна писать стихи, молиться и сострадать всему живому; если не сказать, что это существо создано ради преображения для будущей вечности, — то не останется ни одного аргумента против массового и безжалостного уничтожения этого самозванного царя природы. А этого-то как раз и не сказано.

Без мысли о Творце, более того, при отказе от Творца человек не имеет ценности. По сути, война против веры — это идеологическое человекоубийство. Не сразу, но уже

в ближайших поколениях эта анти-вера родит из себя невиданные жестокости и убийства, поставленные на конвейер. Люди немало поиздевались друг над другом с тех пор, как расплодились за пределами райского сада. Но до эпохи «исторического материализма», то есть до времён догматического безбожия, люди не придумывали фабрику смерти и не ставили кровопролитие на промышленный поток.

Гитлеровцы не просто жгли людей в камерах или травили газом. Они сначала брили их, чтобы волосы использовать на утепление подводных лодок, и вырывали золотые коронки, чтоб переплавлять на слитки для рейха. И сам пепел сожжённых рассыпали по полям в качестве удобрений. Дьявольская экономика.

Скифы, если верить Геродоту, так относились к лошадям: в шкуры одевались, мясо ели, кости жгли и выдeldывали из них иглы, резцы... В желудке варили жидкую пищу, кровь коней пили на длинных переходах. Безотходное производство. Но то лошади, а это — люди. Чтобы поступать так с людьми, нужно сначала в уме уравнивать их с лошадьми. Эту услугу оказала атеистическая философия.

Даже для отлова или уничтожения бессловесных животных нужны человеку не только ловушки, силки и патроны. Нужны ещё хитрость, смекалка, опыт, практические знания. Тем более для уничтожения человека

одним оружием не обойтись. Нужно создать идеологическую базу, придумать оправдания своим действиям. Это — умная брань. Чтобы защитить и сохранить человечество, Церкви нужно вести умную борьбу. Победишь — выживешь. Проиграешь — на место теоретиков придут каратели.

Прежде чем над широкой рекой раскинется мост, прежде чем по его бетонной спине побегут автомобили, нужно создать этот мост в голове. Люди в очках, не похожие на титанов, будут рассчитывать будущую конструкцию и испишут циферками и буквами какие-то бумаги. А потом уже поедет техника, наступит время кранов, арматуры, камней, цемента. Если те худенькие люди в очках ошибутся, если какая-то циферка с какой-то буквой перепутаются, мост рухнет. Ошибку в расчётах нельзя будет компенсировать ни лишними подпорами, ни добавочными нормами материала. «Умная» ошибка приведёт к тому, что погибнет труд, а может быть, погибнут и люди.

Думать нужно правильно. И о человеке, и о Боге, и о мире. «Это тяжёлое занятие дал Бог человеку, чтобы тот упражнялся в нём» (Еккл. 1: 13).

В классическом исламе есть красивая идея о джихаде языка.

Я, не смущаясь, пользуюсь этим термином, поскольку мы живём в мире, в котором слова и понятия смело выдёргиваются из разных культурных контекстов. Никого

не коробит словосочетание «арабский террорист-камикадзе», хотя это настоящие «сапоги всмятку». Мы произносим «мекка туризма», «крестовый поход против большевизма», «моё кредо», при этом не вдумываясь в точный смысл слов «кредо», «Мекка», «крестовый поход» и в плотное смысловое облако, сопутствующее этим понятиям. Поэтому и я смело буду пользоваться словом «джихад» — не для того, чтобы сотрясать воздух элементами арабской лексики, а, напротив, для того, чтобы вскрыть серьёзный смысл, в этом слове содержащийся.

Итак, джихад — это усилие, напряжённый целенаправленный труд, который может выражаться также и в войне. Но война — не главный и не единственный смысл слова «джихад». Джихад руки, например, — это наказание виновных (заключение вора под стражу, телесное наказание отцом ребёнка за серьёзный проступок). Джихад языка — это смысловая борьба, при которой со зла срываются маски, добро поощряется и восхваляется, а зло клеймится. Родители, учителя, священники, учащие добру и ограждающие от зла, ведут настоящую войну, причём священную. Ведут джихад, если угодно. Переведи старика через дорогу, не смейся над калекой, наведи порядок в своей комнате, поделись бутербродом с другом на перемене... Не лги, встань перед старшим, помни Господа. Вы думаете, это просто слова? Это оружие, это стрелы, пу-

щенные в лукавого, а учащий этому детей взрослый человек — воин, стоящий на защите всего мира. Он не обязан говорить то, что всем нравится. Иногда его слова кого-то гладят против шерсти.

Назовите «прерывание беременности» убийством нерождённого человека, «ваучерную приватизацию» — грабежом, и сомнений в том, что вы вступили в войну, у вас не останется. Вас назовут реакционером, фанатиком, религиозным экстремистом. Вас обзовут и чужие, и свои, что ещё сильнее усложнит ситуацию и родит много боли и недоумения. Но истина стоит того, чтобы раз за разом зажигать свечу правильного понимания жизни. Свет этой свечи не разгонит всю тьму, но уничтожит абсолютность тьмы, а это — уже победа.

Есть хитрый термин — свобода слова. За ним скрывается право говорить, говорить, говорить до тех пор, пока слова не отделятся от смысла. Так бывает в детской игре, когда сто раз повторённое слово как бы развоплощается и, теряя смысл, становится звуком, просто звуком. Люди, живущие в атмосфере «свободы слова», первым делом утрачивают способность анализировать услышанное. Информация подаётся в виде готового фаст-фуда. Затем утрачивается желание и способность вслушиваться в чужой голос. Чужой голос становится фоновым явлением. Затем членораздельная речь становится подобной потоку эстрадных песен, звучащих

отовсюду, песен, где даже носитель языка слышит лишь «а-а-а-а», «о-о-о-о», сопровождаемые телодвижениями исполнителей. Уже нет «в начале было Слово». Нет даже гамлетовского «слова, слова, слова». Свобода слова неумолимо движется к свободе междометий. И на некотором этапе этой свободы (назовём её сквозь слёзы вершиной человеческого развития) речь исчезает, превращаясь в «му», «гав», «мяу» и «ку-ка-ре-ку». Сам же человек становится на четвереньки и, никого не стесняясь, обнюхивает рядом стоящего на четвереньках бывшего человека под хвостом. Поскольку явление носит массовый характер, никто особо не мучится совестью, видя себя таким же, как все, не хуже и не лучше. Сама совесть объявляется «средневековым пережитком», притом слово «средневековый» понимается лишь одним человеком из десяти.

Если это процесс управляемый (а что-то говорит мне именно об управляемости этого процесса), если кто-то стоит не на четвереньках, а на двух ногах и наблюдает из укрытия за человеческой массой, «доразвившейся» в результате «свободы слова» до хлебания из миски, то он, сей таинственный наблюдатель, может праздновать победу. Он может теперь эту животную массу убивать, дрессировать, может ставить над ней опыты. Потерявший свой природный облик и достоинство человек; человек, добровольно ставший в один ряд с живот-

ными, согласившийся считать себя «только животным», пусть прямоходящим и пользующимся орудиями труда, — такой человек и отношения к себе заслуживает лишь как к животному.

Вот вам и воплотившиеся прозрения Оруэлла и Хаксли с Замятиным. Вот вам и римейк на тему «Архипелаг ГУЛАГ». Наше время так любит римейки. Вот вам и фраза «это не должно повториться», написанная детской рукой на листочке в клеточку. На листочке, зажжённом от дорогой зажигалки и брошенном в пепельницу, стоящую на письменном столе одного из закулисных представителей мировой элиты.

Говорят, что Мухаммед, вернувшись с битвы, сказал: «Мы совершили малый джихад. Теперь займёмся большим». Это означало: «Мы воевали и победили. Это — малая война. Теперь будем бороться с собой, со своими недостатками. Это — большая война, большое усилие».

Мы, восточнославянская православная цивилизация, никогда не были никому рабами. Мы победили во многих войнах и смирили хазар и татар, Наполеона и Гитлера. Перечень битых нами врагов занимает долгие страницы справочной литературы. Но то был «малый джихад». Теперь нам предстоит борьба за истину, умная борьба в войне, которую никто не объявлял, но которая, тем не менее, ведётся. Пока мы проигрываем в этой войне. А пленных на этой

войне не берут. В ней воюют на полное уничтожение.

Прославить Бога и защитить человека — вот задача православной цивилизации, богочеловеческой цивилизации по своему призванию. Не надо откапывать дедовскую винтовку. На той войне, которая ждёт наших усилий, нужно не стрелять, а молиться; не разбираться в устройстве гранатомёта, а обладать умением объяснить Символ веры и вскрыть тайную ложь в заманчивой на первый взгляд идее.

Это наш джихад, наш великий православный джихад.

ПРОЩАНИЕ С КАРИКАТУРАМИ

В последнее время мы с удивлением узнали, что многие люди не любят Церковь. Не любят её как-то интуитивно, подкожно, неартикулированно. Не любят нелогично, дологично, алогично, сверхлогично.

Не любят — и всё. Ходят, улыбаются, а цепани их этим — и начинают демонстрировать.

Мы думали, что коммунисты и только они виноваты в чём-то ужасном. А оказывается — нет. Оказывается, безбожие — гораздо более глубокая проблема. И мы себе не дали труда понять, насколько человек падший, как многообразны болезни, в нём скрыто гнездящиеся. Теперь мы, забывчивые люди, с удивлением обнаруживаем, что в отношении к Церкви машут кулаками, скалят зубы, топают ножками.

Это неприятное открытие должно быть правильно оценено, потому что скрытная

война с Церковью никогда не заканчивалась и никогда и не закончится, она только будет менять свои формы и виды, утончаться, нарастать, рафинироваться.

Народ никого не любит

Это очень неприятная тема, безусловно. Но она несколько сглаживается тем, что народ не любит никого.

Спросите себя, кого любит наш народ?

Учителей? Нет. Кто такие учителя? Это злые неудачники, которые получают мелкие деньги и срывают свою злость на учениках.

А докторов? В жизни народ не любит докторов. Стоят в очередях в поликлиниках, если есть деньги — покупают услуги в дорогих клиниках, на самом деле презирают их втайне, считая, что они тоже не любят никого, кроме денег, а на людей смотрят как на биоматериал, поэтому достойны ненависти. Немножко это правда, но на самом деле, конечно, кошмарное обобщение.

Что, народ любит милиционеров-полицейских? Космонавтов? Шахтёров? Нет.

Кого он вообще любит, наш народ? Себя он любит? Боже сохрани! Себя они готовы материть с утра до вечера, а французику из Бордо — языком штиблеты вылизывать.

Одним словом, не только Церковь не любит наш народ. Наш народ вообще никого не любит.

Поэтому не стоит удивляться, что

какое-то существо того или иного или промежуточного пола, украшенное какими-то званиями, наградами, дипломами, позволяет себе не слишком красиво высказываться по поводу Церкви. Ничего страшного.

Русь Святая?

Нам предстоит труд свидетельства, исповедничества и избавления от иллюзий. Для Церкви существует несколько вызовов, первый из которых — избавление от иллюзий.

Владимир Соловьёв говорил, что Русь называют Святой (это именно его фраза, он её ввёл в философский обиход), подобно тому, как Англия — старая добрая, Франция — милая, да вообще разные страны имеют разные эпитеты. Но это ж не по факту того, что каждый на Руси — святой, она Святая, а по своему глубочайшему внутреннему стремлению, по жажде идеала, по тоске, которая осознаётся, по тому лучшему, о чём мечтают лучшие люди в лучшие минуты своей жизни.

Святость — это крайний идеал, это то, к чему стремится народ в особо тяжёлые годы, когда делятся последним, или же то, к чему стремятся лучшие люди в периоды относительного мира и спокойствия.

Может быть, мы уже недостойны этого имени, потому что святость перестала быть идеалом для русского человека? Он не хочет быть святым. Он не понимает, что это такое.

Прощание с карикатурами

Жизнь и Сам милосердный Бог даёт нам отрезвляющую пощёчину, которая ссыпает с нас клоунскую пудру, и мы узнаём себя самих.

Да, вот такие мы. И это очень хорошо. Когда человек приходит к Богу, ему надо знать и Бога, и себя. Не зная Бога, он молится какой-то карикатуре, которую придумал, идолу, которого создал. Но если молюсь не я, а какая-то, опять же, карикатура меня, какой-то выдуманый мною я, а вовсе не я настоящий, то опять-таки нет молитвы, нет встречи, нет Бога, нет искры. Молиться должен живой я живому Богу. А чтобы быть живым Я, нужно отказаться от того, чем я не являюсь.

А значит, мы должны распрощаться с целым рядом унаследованных красивых идей, которые сегодня не подтверждаются жизнью.

Проигранные сражения

Нужно начинать работать с нуля. Нельзя всё время выигрывать. Иногда нужно проигрывать. Хороший проигрыш — это хороший стимул для будущего выигрыша. За спиной у хорошего воина — большой опыт проигранных сражений.

Какие-то сражения мы очень сильно проиграли. Если большие войны мы умеем выигрывать.

грывать, то незаметные ежедневные сражения мы не учимся распознавать — мы просто не замечаем, что с нами воюют, и потому каждый день проигрываем.

Мухи и слоны

Церковь стоит перед огромным вызовом.

Мне очень нравятся священники, живущие среди инославных. Инославная среда заставляет их оттачивать своё богословие, держать себя достойно в быту (потому что за тобой смотрят в увеличительное стекло) и не обращать внимания на мелочи.

Для них инославные люди — это люди. С ними можно дружить, трудиться, праздновать праздники, их можно любить, кормить у себя дома и есть дома у них — и всё это не смешивая веры.

У нас совершенно нет такого понятия. У нас есть иллюзия, что нас слишком много.

Это достойно повторения. Мне очень нравится духовенство, находящееся в инославной, инокультурной среде, поскольку они закалены в сознательной вере, следят за собой и в отношениях с инославными не делают из мух слонов.

Жареные гуси и несостоявшиеся бублики

Очень мне нравятся православные священники, которые работают со своей паствой постоянно, не оглядываясь назад. У Крылова целая басня есть: что гуси Рим

спасли, совершенно не повод к тому, чтобы отдельного гуся не зажарить. То были другие гуси, а мы, может быть, те гуси, которые только на жаркое и годятся.

Историей хвалиться можно только дозировано, историческую славу нужно оправдывать, доказывать и поддерживать каждый день. Если она не поддерживается и не доказывается, она теряется и превращается в фактор осуждения.

Поэтому давайте обрадуемся тому факту, что народ наш — одичавший, долларом пришибленный, от личных грехов осатаневший, дезориентированный и нами не наученный.

Нами. Толком. Не наученный.

Это наша разбежавшаяся паства, за которой мы никуда не идём, ждём, пока она сама придёт. Вот эта паства и не будет ничего знать по факту, потому что родиться в христианской стране — вовсе не значит быть христианином. Родиться в булочной — не значит быть бубликом. Людей нужно учить с нуля или даже с минуса, поднимаясь с цокольного этажа — сначала до уровня нуля, а потом уже дальше идти вверх.

Не давайте повода ищущим повода

События, связанные с кощунствами, выходками, нападениями, ставят перед нами многие задачи и уроки.

Соблазняются люди мерседесами — ну прекратите на них ездить, не покупайте

их, распродайте, как на врагов посмотрите, пересядьте на что-нибудь другое. Сложно, что ли? До каких пор будете давать повод ищущим повода?

Соблазняются люди большими животами — пойдите в гимнастический зал, сгоните с себя лишний жир — сколько можно давать повод ищущим повода?

Ну что, нельзя сделать какие-то элементарные вещи?

Никто же не говорит: «Залезь на лестницу добродетелей в считанные дни». Нет. Значит, нужно уменьшать количество добровольно подаваемых соблазнов. Уменьшать по возможности. И пользоваться этим благословенным временем для спасения, потому что мы многое начинаем с нуля.

Благословлю Господа

Тема очень большая, её можно продолжать и развивать, поэтому утомлять вас не буду, продолжим в другой раз.

А на данный момент — скажем: «Благословлю Господа на всякое время, выну хвала его во устех моих». Благословлю его в день, когда всё хорошо, благословлю его, когда всё не очень хорошо, благословлю его, когда как сейчас. А сейчас всё непонятно как: ни туда, ни сюда. Как дважды сваренная капуста, как говорили римляне — не знаешь, с чем есть.

Значит, нужно больше ума, больше огня, больше веры, больше силы, больше соли,

и ничто прошлое нас не оправдывает —
сегодняшний день требует сегодняшних
трудов.

Желаю всем мужества и сил.

ИНТЕРВЬЮ

98% населения страны не православные. Это ужас или это не ужас? Церковь может пережить эти цифры как катастрофу, чтобы измениться, чтобы понять, что, может быть, наше спасение зависит от этих людей. Или не зависит?

Мне кажется, мы не имеем права не пережить этот ужас как ужас. Мы не имеем права не знать, что он существует. Не имеем права придумывать ему оправдания, с самых разных историософских позиций, вспоминая или о Петре Первом, или о масонах или о Сталине вкупе с заговором всемирным. Всякая подобная историософия — это попытка выстроить защитные загородочки вокруг своих смертных грехов. Не имеет права Церковь не переживать как ужас полную вырванность из церковной жизни подавляющего большинства своих крещёных людей, или людей, живущих в топографической близости к открытым храмам. Они живут и умирают. Есть честная поэзия, показываю-

щая, что происходит с этими людьми. Стихи из барака. Фотографические снимки советской действительности, сделанные поэтом Игорем Холиным. «Здесь лежит Маруськино тело. Замуж не выходила. Говорят, не хотела. Сделала двадцать два аборта. В старости была похожа на чёрта».

Второй такой же стишок. «Умерла в бараке. Сорок семь лет. Детей нет. Работала в мужском туалете. Зачем жила на свете?»

На самом деле — это галерея типов, которых очень много. Их чрезвычайно много. Сделать так, чтобы их не было вообще, наверное, не в силах никто. Но уменьшить их количество или обратиться к ним со словом — надо. Как иначе?

Ужас в том, что мы можем существовать и без этих людей. Мы создали жизнь свою. По сути, нам угрожает то же, что и любой крупной корпорации, у которой есть свои интересы, своя внутренняя жизнь, которая мало зависит от окружающего мира.

Жизнь в больнице течёт нормально, только мешают больные. Любая крупная корпорация доходит до своего самоотрицания, когда ей начинают мешать те, для кого она создана. Министерству здравоохранения иногда мешают больные, министерству образования — учителя и ученики. Чиновники вообще-то неплохо обходятся и без них. Министерства получают деньги и хорошо их осваивают, только ме-

шают какие-то дети, какие-то родители, какие-то неправительственные организации. Подобная бюрократизация Церкви роднит Её с земными структурами, не пользующимися доверием. И тогда Церкви (о, ужас!) будут мешать грешники и святые. Все интересующиеся Господом Иисусом Христом, включая самого Иисуса Христа (как в легенде о Великом Инквизиторе написано) будут мешать. Хватит тут маячить, понимаешь, со своими словами вечной Истины и Правды. Не надо нам этого, мы и так всё прекрасно решили и устроились. Легенда о Великом Инквизиторе, в полном действии, иллюстрированная действительностью. Представляете!

Церковь не имеет права отпустить себе грехи, написать себе индульгенцию в том, что Она не выполняет свою прямую функцию. Если я знаю, что Христос — Спаситель, а мир погибает, и я погибаю тоже (а без Христа погибает всяк человек), и если я реально прикоснулся к благодати искупления, и она во мне не тща, то есть не бесполезна, тогда я всю жизнь буду стремиться к тому, чтобы об этом узнали другие и прикоснулись к этому же опыту. Потому что во Адаме мы все едины. То есть, мы за всего Адама болеем. Как Силуан Афонский говорил: «Во Адаме мы понимаем Адама, а во Христе хотим, чтобы весь Адам спасся». То есть, нельзя делать вид, что, раз я верую, то всё в порядке. Как это всё в порядке?

Вообще, эту проблему решал тот же незабвенный Фёдор Михайлович. Он в романе «Братья Карамазовы» писал «знаю я, что денежное довольствие иерея недостаточно. Знаю, что денег мало. Знаю, что жизнь ваша скудная. Но ты пойд к людям, пойд к простолюдину и почитай ему притчу из Луки, расскажи ему про Марию Египетскую, расскажи ему про блудного сына и про историю Иосифа. Сокруши сердце простолюдина разговором о Слове Божьем. Потому, что гибель народу без слова Божьего. И потом посмотришь, откуда деньги возьмутся». Ты увидишь сам, как изменится сердце человеческое, с какой благодарностью оно ответит. Всё решится потом оттуда. Но если это не сделано и жизнь пошла дальше?.. В девятнадцатом веке речь шла о приведении к полноте жизни во Христе формально православных людей, которых было подавляющее большинство. А сегодня уже речь не идёт о приведении к полноте жизни во Христе формального большинства, наполняющего страну. Потому что нет уже формального большинства. Уже есть всякие «исты», от атеистов до адвентистов, иеговистов и кого хочешь. Есть всякие кришнаиты, сектанты, мистики. Есть люди просто уже оторванные от человеческой жизни, а не только от благодати. А мы что, будем продолжать дальше писать победные репортажи о том, что на Шипке всё спокойно?

Внутри Церковь действует евхаристично, а наружу миссионерски. Это две необходимые вещи, присущие Её природе. То есть, наружу — миссия. Внутри — Евхаристия. Если Евхаристия прекращается — Церковь умирает. Если миссия прекращается — значит осталось только убить Евхаристию, чтобы убить уже сердце в человеке. Он лежит и ранен. Осталось только ему сердце остановить.

Как увидеть предел, за которым уже нет смысла прилагать усилия? Может быть, общество настолько развращено, что просто не способно более воспринять проповедь?

Возможно. Существует такая тема как выработанность материала. Можно предположить, что человеческий материал выработан. Возможно, жила пуста, скважина выработана. Но так можно сказать, только если ты потрудился в этой жиле, в этой разработке, в этой породе. Ведь сама жизнь нас удивляет, когда ты приходишь к людям, которых считал не способными к серьёзному труду, внимательному слушанию — то можешь быть удивлен до полусмерти тем, что тебя слушают, на тебя смотрят с открытыми глазами и полуоткрытыми ртами, тебе боятся задавать вопросы, чтобы не перебивать. И ты чувствуешь, что всё, что ты говоришь — подобно воде, которая впитывается в мгновение. Такие вещи может пережить любой проповедник. Это будут золо-

тые часы его жизни, а таких аудиторий у нас полным-полно.

Священники, рукоположенные в 90-е — это лейтенанты 41-го, окончившие ускоренные курсы, мало чему научившиеся и брошенные под танки. Протоиерей Александр Торик просил даже: «Вы не судите строго нас, священников 90-х». Как можно ставить миссионерские задачи перед Церковью в таких условиях? Может быть, нужно просто ждать, пока всё образуется само собой?

Самым естественным было бы ожидать интереса к миссии со стороны самих священников. Им удобнее всего и необходимее тревожиться об этом. И на повестке дня вопрос изменения формата общения священнослужителей. Священники должны быть более всего заинтересованы в проповеди Евангелия и в корпоративных связях, настроенных не на какие-то бытовые вещи, а на то, чтобы общаться, будить паству и учить её постоянно и планомерно. Не всколыхивать её время от времени, а учить людей планомерно.

То есть, статус священника из «жертвоприносителя» должен серьёзно корректироваться в сторону «жертвоприносителя плюс учителя». Либо он должен искать учителей в среде просвещённых, образованных мирян, которые бы дополняли его священнодействия планомерной работой учителей, истолкователей, катехизаторов в приходах.

Без такой работы очень трудно двигаться куда-либо.

Вероятно, Церковь и общество должны ответить на вопросы, уже проявившиеся в нашей истории, но так и оставшиеся без ответа?

Петровская эпоха — от Петра до революции характерна тем, что Церковь была в таких плотных объятиях, что, с одной стороны, вроде бы пользовалась всеми привилегиями, а с другой — задыхалась в объятиях государства. Когда большевик разрушал российскую государственность, он мог воевать с Церковью как активный безбожник, имея претензии к Господу Богу и Его служителям. А мог действовать проще — воевать с Церковью, как с одним из министерств, встроенных в систему того государства, которое он разрушал. То есть он воевал с Церковью и её служителями как с работниками министерств несуществующего государства. Эта обласканность государством, эта плотная встроенность в его структуры, эта завязанность на государстве в нашей истории ещё недавно была оплачена большой кровью. У нас должен быть генетический страх перед плотной спайкой и тесными объятиями с любой государственной системой. Мы должны подчеркнуть свою неотмирность. Мы живём здесь, понятно, и дружим со всеми. В этом смысле, мы можем жарить шашлыки с выходцами из Дагестана и есть лапшу с представителями Вьетнама.

Мы живём здесь, с ними, но навеки связывать себя с кем-то и плотно обниматься с кем-то навсегда мы не должны, потому что ещё недавно людей убивали за то, что в глазах убийц они являлись представителями свергнутого государственного строя. На правах чиновников этого государственного строя, просто одетых не в вицмундир, а в длинную одежду с крестом на груди.

Широко распространено мнение, что повод для гонений на христиан всегда найдётся. И не важно, были ли священники служителями министерства или нет. И сейчас якобы сходная ситуация. Наши противники если захотят кресты пилить или христиан убивать — будут это делать, невзирая на наше поведение.

Да, конечно, они так поступать будут, безусловно. Но дело в том, что современная игра в исторические процессы предполагает легитимизацию своих действий согласием широких масс. Массы соглашаются молчаливо или громко с акциями против Церкви, когда представлен фактаж нашей встроенности в госструктуры или наше желание встроиться в них, заручиться их поддержкой. Поэтому очень важно, ни с кем не ругаясь специально, подчёркивать свою иноприродность этому миру. Любая власть рухнет, Церковь останется навсегда и в вечность перейдёт.

Конечно, настоящим врагам Церкви неважно, что мы скажем, во что оденемся,

на каком автомобиле поедем и чем зубы запломбируем. Они будут нас не любить уже за одно то, что мы есть. Но им нужна поддержка широких масс, презираемых, но используемых, информационно натравленного плебса, который будет клевать на информповоды. И нужно эти вещи минимизировать. В любом случае необходимо превратиться из обслуживающего персонала общества потребления в активно, миссионерски действующую Церковь. В том смысле, что в обществе потребления обслуживающий персонал удовлетворяет потребности. Парикмахер удовлетворяет потребность в красивых волосах. Клоун удовлетворяет потребность в здоровом хохоте. Священник тоже может удовлетворять потребность в обществе потребления. Это раньше говорили, что священнослужитель связывает небо с землёй, или освящает быт или сообщает человеку внутреннее измерение его жизни. Вот что делает священник? Вопрос на засыпку. Как он сам себя определяет? В обществе потребления он (о, ужас!) удовлетворяет религиозные потребности.

Человек хочет, чтоб ему собаку покропили святой водой, например. Где-нибудь в Барселоне, пока ещё не в Чернигове и не в Твери. Но когда чихают у них — через два дня у нас тоже насморк. Сейчас всё очень быстро передаётся. Соберутся, скажем, пять тысяч людей с собаками на руках, чтобы их покропили. Но вопрос даже

не в этом, можно ли кропить. У работника, удовлетворяющего религиозные потребности — незавидная участь. Если уж он стал в эту нишу — от него будут требовать удовлетворения самых разных потребностей. А они будут разные. Почему бы, например, не отпеть животину? Корову кропили святой водой, хворостиной били в Юрьев день или на Флора и Лавра, но её не отпевали. А сейчас на Западе уже отпевают тамагочи, отпевают кошку, отпевают канарейку. Раз ты удовлетворяешь религиозные потребности, будь любезен удовлетворяй широкий спектр. Насыщай рынок, так сказать, услугами.

То есть мы уже находимся в этой нише?

В принципе, мы в неё мягко зашли одной ногой и полтела у нас, как у Арлекина, покрашено в этот цвет. Раз мы пишем ценники на требах, по сути, мы продаём некий религиозный товар. Почему важно, например, оценивать только вещи, но не молитвы? Книжка имеет цену — это продукт. И свеча имеет цену. А молебен не имеет цены. А Крещение тем более не имеет цены, и Соборование цены не имеет, и Причастие не имеет. Почему мы крестим за деньги, а причащаем без денег в таком случае?

В некоторых монастырях приветствуют подход исповедника с десятигривневой купюрой к батюшке.

Это тем более дико слышать, что подобное происходит в монастырях, где есть обет

нестяжания. И такие истории — это трупные пятна церковной действительности. Нельзя продавать непродávаемое. Мы же говорим, Иуда продал непродávаемое. У Христа нет цены. Он бесценен. Человек тоже бесценен, но Христос в высшей степени бесценен, а Ему назначили цену. Как можно назначить цену непродávаемым вещам? Таинству, которое совершается силой Духа Святого? Как ты будешь Духа Святого продавать? Ананий и Сапфира у нас в Писании есть. Это что же, разделить их участь? Симон Волхв — за серебро тоже Духа Святого хотел купить.

Нужно отказаться от ценоопределения на требы. Сколько Бог даст. Сколько люди положат. Это простые вещи на самом деле.

Как жить тогда священникам, у которых по пять-шесть детей?

Об этом говорили давно уже наши святители. Приходы, отказавшиеся от ценообразования на требы, живут лучше приходов, которые держатся фиксированной цены. То есть, свеча имеет цену, лампадное масло имеет цену, икона или книжка имеет цену как товар, произведённый, доставленный, а Таинство не имеет цены. Это дар Божий, дар Духа Святого, и священнику, передающему его, и человеку, пользующемуся им.

Молебен или отпевание — это же не таинство.

Это уже детали. Надо, чтобы мы задумались, а чем мы занимаемся? Мы что продаём, вообще? Мы назначаем цену, и в ряд

товаров переводим, что? Вот это?! Так это же не товар. А как можно идти дальше, если такие важные вещи не сделаны? А если мы уже со всем согласились в обществе потребления — продавать религиозные услуги, и себя уравнивали с духовными парикмахерами, тогда что мы от себя хотим? Человек приходит и у него только один вопрос: я заплачу деньги, которые вы укажете в прейскуранте, и буду требовать от вас правильного исполнения вашей работы.

Вы говорите о будущем или элементы этого уже наблюдаются?

Это уже сегодня есть. Уже могут сказать: «Ты меня не учи, — когда ты ему скажешь вы должны ... — Я тебе ничего не должен. Я уже заплатил. Я тебе дал деньги — твоя работа крестить. Сколько стоит Крещение? Ты сказал, что столько? Вот тебе деньги — крести. Я не просил меня учить. Я уже купил товар религиозный. Ты продал Духа Святого. Ты назвал цену, я тебе заплатил, что ты от меня хочешь? Ты будешь меня учить? Если я захочу учиться, я скажу научи меня, и спрошу, сколько это стоит».

Это — очевидные вещи, которые не бьют по мозгам «продавцов» только потому, что они и не собирались никого учить. Они спокойно себя чувствуют в атмосфере продажи Духа Святого. Они Его просто продают, как им кажется, хотя Он непродуваем, и действует, как Он Сам хочет. Кого-то посещает, кого-то не посещает. Это уже вели-

кие тайны, касающиеся Его. Но мы должны выйти из этой ниши. Потому что мы не продавцы религиозных услуг, мы не можем быть «комбинатом по оказанию религиозных услуг». Есть узкие точки продажи религиозных услуг, только «освящаем машины и офисы». Есть комбинат религиозных услуг — всё делаем, освящаем всё. Ножи и вилки точим, и цену называем.

Конечно, любая проблема цепляет вереницу других. Кто рукоположил, кто учил? Откуда ты взялся такой? Почему на тебя управы нет? Если мы спокойно к этому относимся — со временем всё это вырастает в опухоли раковые. Но нужно понимать, что эти раковые опухоли и породили кровопускания советской власти. Эти масакры, эти кровопускания массовые, они же были спровоцированы как раз этими раковыми образованиями, в том числе. Не только ими, но в том числе. Поэтому, если мы никаких уроков из истории не выводим, то кто мы тогда? Тогда Бог перестаёт нас учить, потому что мы не способны к благим переменам.

Русь прожила великий период времени, когда, находясь под покровом государства, мы молчали о Христе. Что-то о нём рассказывали на уроках Закона Божьего и ставили оценки за это. А потом выяснилось, что люди не знают «Отче наш», не знают Символ Веры. Но нужно ведь извлечь из этого уроки. Может быть, пора табуировать ругань на советскую власть. Всё

уже прошло. О мёртвых ничего или хорошо. Ушло. Давайте заново с нуля. Это очень тяжёлая задача с цоколя поднимать вверх. Нам хочется сказать, что мы стоим на плечах гигантов. Нам хочется понять себя как жёлудь, висящий на ветке великого дуба. Бытийно мы такие и есть. Но в плане практических трудов жёлудь должен нести в себе всю информацию дуба. И он должен начинать с нуля свою работу. Буде упасть ему в землю, оторвавшись от ветки, он там, в земле должен расти как новый дуб с нуля. Пока ты висишь где-то там, в высоте, ты питаешься корнями великого дерева, но как только ты закончился как оформленный жёлудь и оторвался и упал, и свинья тебя не сожрала, — вырастай в настоящий дуб с нуля. С соответствующими проблемами. Катехизация, общение имуществ — вспомоществование, литургическая жизнь, привлечение всех здоровых сил, которые попадают в поле нашего зрения, смиренная молитва Господу Богу о том, что мы не можем ничего, мы находимся, если угодно, при смерти, как в Апокалипсисе говорится. «Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти». Есть такие слова в Откровении ангелу Сардийской Церкви. То есть, я знаю, что у тебя не много силы. Но держи, что имеешь, и прочее близкое к смерти утверждай. В принципе, это называется трезвостью. Трезвая оценка ситуации. Потому что хвалиться, что-то рассказывать, надувая щёки, про своё великое

прошлое, которое не тобой построено — это позорное занятие, вообще-то. Это занятие предосудительное для сегодняшнего времени, требующего трудов. И нужно выйти из этой ниши — продажи религиозных услуг и показать своё лицо. Лицо людей, которые знают Господа, любят Господа — Иисуса Христа, воскресшего из мёртвых. Которые не причисляют себя к лику святых прежде смерти. Знают о своих грехах. Трезвы в оценке себя самих. «Я знаю, кто я, но я знаю, кто Господь». И, находясь в состоянии трезвости в отношении к себе и любви в отношении к Господу, говорят о Господе тем, кто не слышал никогда благовестия, хотя ему и случилось родиться под небом тысячелетней крещёной Руси.

А если мы из этой ниши комбината по оказанию религиозных услуг не выходим, то нужно принимать все последствия нашего выбора.

Нас схлопнет какая-то новая беда. Никто до революции не думал о масштабе репрессий, которые ожидают Церковь. Никто не представлял масштабы катастрофы.

Пик строительства храмов — 1913 год. Максимальное число за всю тысячелетнюю историю Руси.

Всё строили и храмы тоже. Притом, что храмы возводили не в первую очередь. Строили железные дороги, дворцы и замки, институты горной добычи, виноградарства и виноделия, заводы и пароходы. Огромное

количество было построено церковных зданий. И никто же не думал, что всех возьмут и за некой ненадобностью в распыл пустят. За исторической ненадобностью.

Дали возможность спастись, по сути. Надо же понимать, что расстреливали разных людей. К одним дополняли меру святости, то есть, страданием дополняли меру уже наличной святости. А большинству давали возможность спастись. Если бы не эта ситуация, человек жил бы себе как жил, а инерция двигала бы его не в сторону святости. А так, последний критический шаг.

«— Ты за Христа, долгогривый, или против Христа?»

— Я... однако, за Христа.

— Стреляйте, товарищ Лацис».

Если ты сам не хочешь освятить свою жизнь, то Бог тебя спасёт через что-нибудь очень неприятное.

Любящий нас Господь спасёт нас, я надеюсь. Если мы совсем не упрёмся, и от Него не откажемся, спасёт нас, но сделает это чередой очень неприятных событий. То есть, Он просто измелет нас в муку и выпечет хлеб чистый для Царствия Небесного из этой муки, которую буквально смелет на жерновах. Потому что сами мы ничего не делали, чтобы стать мукой из пшеницы Божией.

Может ли Церковь, представляющая 1,5-2% общества, задавать нравственные ориентиры всему обществу? Давать оценку актуальным событиям?

Легко! Капля море освящает. Можно посмотреть на научный мир, который, кстати, весь вышел из монастырских келий. Или на композиторов. Сколько нужно Шнитке или Бахов, чтобы в музыке произошла революция, чтобы дать тоновую настройку поколениям музыкантов? Один. Один человек нужен.

Закон жизни таков: Бог ищет одного человека, чтобы через него спасти всех. Он ищет Авраама, чтобы через него родить народ. Он ищет Давида, чтобы всем дать Псалтирь. Он ищет Владимира Великого, чтобы через него крестить Русь бедную и тёмную. Ищет Серафима Саровского, чтобы всем сказать новое слово о спасении. Он ищет Силуана Афонского, чтобы дать понять, как жить в конце времён. Он ищет одного, чтобы спасти всех. Поэтому много нас быть не должно. Но мы должны быть теми, кем должны быть. Самые большие враги Церкви — это ряженые. Это переодетые. Это те, кто составляет фон Церкви или её тень. Её массовку. Которые играют в Церковь шесть часов в день, а остальные восемнадцать часов в Церковь не играют.

Надо потрудиться, ради того, чтобы Церковь стала тем, чем она должна быть. Церковь прирастает живой кровью. Не потомственными христианами, не самоуверенными христианами, не теми, кто уверен о себе, что он хранитель там чего-то. Однако сел на сундук и не встаёт с него и не знает,

что там находится. Церковь живёт живой кровью, и ей нужны живые души, которые должны услышать слово о Господе. Нужны Савлы, которые услышат о Господе от самого Господа, благодаря молитве Стефана. У блаженного Августина есть такая интересная мысль. Когда Стефана били камнями, он молился, чтобы Бог не поставил греха сего в вину убивавшим его. А юноша по имени Савл стерёг одежду убивавших. И вот Августин говорит, что если бы не молитва Стефана, то не нашёл бы, возможно, Савла Христос. То есть, сложными путями, не в простой прямой передаче обретаются души.

Значит, такие катаклизмы и трагедии должны повторяться, чтобы появлялись новые Павлы и Стефаны молились о них?

Возможно, да. Об этом страшно говорить, но, возможно, кому-то нужно пострадать, и не в тишине подземелья, а на людях. Для того чтобы кто-то видевший это стал новым Павлом и развернул жизнь нескольких народов в сторону Иисуса Христа.

Кровь мучеников — семя христианства?

Да. Всё у Бога в руках. Жизнь прошлая, по сути, не критично противоположна жизни современной. У Николая Сербского есть такая интересная мысль. Он говорит, что раньше человек писал гусиным пером, потом он писал авторучкой, затем на машинке. Но ведь это же всё не важно — всё равно он макает некое духовное перо в кровь

своего сердца. Всё равно он пишет умом и сердцем. Всё равно ему нужен Бог и нужен огонь в груди. Это не важно, чем ты пишешь: пером, ручкой шариковой или чернильной или на клавиатуре стучаешь по клавишам. Внутренний процесс не меняется. Меняется антураж. То есть, человечество, в принципе, не поменялось. Обращение ко Христу такое же. Радость о Христе такая же. Радость о Христе в двадцать первом веке тождественна подлинной радости о Христе в первом веке.

Дерзну сказать, что мы понимаем радость апостолов. Если нам Бог подарит это, и мы будем к этому готовы, мы обрадуемся о Нём так же, как они обрадовались о Нём. Мы нашли Желаемого, как Андрей сказал Петру. И Он говорит им «вы друзья мои». И эти слова могут быть и к нам обращены. Или другие слова «не желаете ли и вы от меня уйти?». «Куда нам идти, Господи. У тебя глаголы вечной жизни». То есть, полюбить его так, чтобы без Него невозможно было жить. Ради Него трудиться. «Господи, я за тебя и в темницу и на смерть готов идти». «В темницу готов идти? Сегодня трижды отречёшься». Вот эта вся драма личных отношений с Богом — она тождественна у христиан. Открыты двери к этому. Если мы не переживаем этого на глубине и в интенсивности, то это просто потому что мы не думали никогда об этом, нам это было неинтересно. Драматизм и интенсивность личных отно-

шений со Христом открыты для всех христиан. У святителя Луки Войно-Ясенецкого был период, когда он не служил Литургию, отошёл от Евхаристии и только оперировал. И он получил откровение, увидел сон, в котором в алтаре препарировал труп, в углу лежали мощи некоего святого, потом крышка открылась, святой встал и строго посмотрел, а он продолжил какую-то лекцию в алтаре над трупом. И после этого сна он не вразумился, и позже писал «я отчуждённый от Бога, погружённый в отчаянье продолжил своё падение», так и не начал служить. И потом, посещая воскресные всенощные, однажды услышал слова Евангелия, которые до этого слышал сотни раз. «Симоне Ионин, любишь ли меня?» И он вдруг почувствовал эти слова обращёнными к себе. И задрожал как осиноый лист. И в это время Христос с ним разговаривал. Он пережил второе обращение. И потом опять начал служить литургию и жить епископски, а не просто по врачебному. Хотя до этого был достаточно длинный период только врачебной деятельности.

Это всё живо. Это всё для нас. Мы можем вступить в личные отношения с Господом Иисусом Христом. А если мы в них не вступаем и не хотим вступать, и думаем, что всё это не для нас, или не достоин, или это прелесть. Или это всё не нужно, я и так спасён... Всё остальное — это тень на плетень. Духовная жизнь должна быть живой. Если

она не жива, то это либо инерционно переданное заблуждение или святая традиция, переданная в нагрузку предыдущими поколениями, без понимания, что ты получил. То есть, ты освящаешься бессловесно, как освящается автомобиль. Автомобиль не благодарит за то, что он освящён. Он не говорит спасибо. То есть, ты освящён без твоего личного участия. Либо со временем это может стать симулякром. Тогда это просто обманчивая видимость, чёрная дыра, которая всасывает в себя свет и наружу ничего не отдаёт. Святость для себя. Но святость — она для других. Она только отдаёт себя. Святость вообще становится тем, чем она не есть. Бог стал человеком. Ему это вообще не нужно. Это нам нужно. Он стал человеком и дал Себе руки и ноги пробить, и всю кровь вылил из Себя. То есть он отдаёт Себя, как солнце светит. Оно же не в себя светит, оно наружу светит. Святость — она вообще наружу. У неё внутри кошмар, а наружу она тепло. У солнца внутри какие-то ядерные взрывы, вихри, кошмары всякие, а снаружи — фикус растёт на подоконнике благодаря солнцу.

Если такого тепла нет, возникает вопрос...

Вопрос: а чем ты живёшь? Потому что хоть редкий луч должен выстреливать, пробиваться. Я ещё не волшебник, я только учусь, но всё-таки любовь помогает творить настоящие чудеса. Я не могу делать всего, но я хоть иногда должен делать что-то? Всегда

всё может делать только Бог. Я могу делать иногда что-то. Значит, я должен делать иногда что-то. Это задача человеческая. Иначе ты бесплоден. Иначе ты будешь проклят как та смоковница! «Да не будет её плода вовеки!» Что может быть хуже? Мы привычно сыпем на этих евреев, которые символически прокляты в виде этой смоковницы, но совершенно не понимаем, что это нас касается: мы можем быть тождественно прокляты за бесплодность.

Протоиерей Андрей Ткачев
ПЫЛЬ НА СОЛОМЕННЫХ ПОГОНАХ

Ответственный редактор

А. Антропов

Корректор

З. Коновалова

Оригинал-макет

В. Сидоркин

Подписано в печать 01.10.2013

Формат 84x108/32

Тираж 3000 экз.

Бумага офсетная.

Гарнитура PT Serif

Издательство «Послушник»

